

Лана Синявская

В КОГТЯХ
У СКАЗКИ

СИНЯВСКАЯ ЛАНА – УЧАСТНИЦА ТЕЛЕВИЗИОННОГО ПРОЕКТА
«БИТВА ЭКСТРАСЕНСОВ»

Приключения ясновидящей Анны Сомовой

Лана Синявская

В когтях у сказки

«Автор»

Синявская Л.

В когтях у сказки / Л. Синявская — «Автор», — (Приключения ясновидящей Анны Сомовой)

Никогда не играйте в азартные игры с Дьяволом - обязательно проиграете. Влиятельный магнат по прозвищу Черный паук считал, что его это не касается. Он видел лишь одно препятствие на пути к цели - случайную иностранку, запутавшуюся в его паутине. Но ее зовут Анна Сомова. И она привыкла идти до конца.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	39
Глава 8	47
Глава 9	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Лана Синявская

В когтях у сказки

*...Слух чудовищный бродит по городу,
Забирается в дома, как тать.
Уж не сказку ль про Синюю Бороду
Перед тем, как засну, почитать?*

А. Ахматова

Пролог

Она чувствовала себя птицей.
Ей хотелось петь. Или хотя бы кричать.
Почему нет?

Отпустив руль, женщина, смеясь, раскинула руки в стороны, набрала в грудь побольше воздуха и завопила: «Я-свободна!»

«Свободна, свободна?» – как-то неуверенно откликнулось эхо, и она вновь засмеялась.

Машина вильнула в сторону на мокром асфальте узкого серпантина, но женщина легко и уверенно выровняла ее, а затем прибавила скорость. Ей хотелось лететь и автомобиль, послушный ее желанию, несся вперед по извилистой дороге с предельной скоростью. Пережитый кошмар уже маячил где-то далеко позади, похожий на пыльный, совсем не страшный призрак.

Всю последнюю неделю, не переставая, лил дождь, и только сегодня тучи растаяли. Чисто умытое солнце одобрительно смотрело на нее с высоты.

Женщина как бы невзначай посмотрела в зеркало заднего вида, чтобы еще раз убедиться: она все еще красива и достаточно молода для того, чтобы начать все с начала. Затем ее взгляд упал на соседнее сиденье, и она слегка поморщилась, обнаружив притулившийся у самой спинки чистенький белый узелок. Очередная выходка старой притворщицы, – подумала она брезгливо. И когда она только успела сунуть в машину свой гостинец?

Женщина подозрительно принохалась. Кажется, опять сэндвичи с тунцом. Господи, они же весь салон провоняют! Она решительно протянула руку, чтобы вышвырнуть вон отвратительное подношение. Все равно она ни за что не решилась бы откусить ни кусочка от ее отвратительной стряпни.

Стекла в машине были опущены до упора, ворвавшийся ветер схватил в горсть прядь ее длинных волос и хлестнул по лицу. От неожиданности она резко отпрянула в сторону, пальцы разжались, белый сверток мягко шлепнулся ей на колени. Слишком легкий для бутербродов, – машинально отметила она, – почти невесомый.

Впереди начинался сложный участок, дорога сужалась, прижимаясь вплотную к скалам, и делала резкий поворот. Не отрывая взгляда от ветрового стекла и крепко держа руль одной рукой, она все же попыталась избавиться от свертка. Плохо завязанный узелок ослаб, когда она потянула за него пальцами, и все содержимое вывалилось прямо на нее.

«Вот черт!» – выругалась она, уже представляя безобразное жирное пятно на любимой юбке, быстро опустила взгляд в надежде оценить размер причиненного ущерба и пронзительно завизжала: на подоле валялся большой сплывшийся ком паутины, из которого шустро выбирался огромный мохнатый паук. Выбравшись, он стал целеустремленно карабкаться вверх, прямо к ее лицу.

Не переставая визжать, женщина судорожно замахала рукой с растопыренными пальцами, пытаясь стряхнуть с себя гадкое насекомое. Один удар попал в цель. Паук перевернулся в воздухе, шлепнулся на пол, и она немедленно придавила его каблуком. Волосатое брюшко лопнуло, как переспелый крыжовник, забрызгав её щиколотку желтоватыми паучьими внутренностями, и ее чуть не стошнило.

Пытаясь успокоиться, она твердила: «Все кончено, кончено», но сердце стучало как бешеное, в глазах было мутно от слез. Все это глупости: скоро мотель, она снимет номер и смоев всю эту мерзость в ванне с мылом. Нет, с мылом, скрабом и – обязательно – жесткой мочалкой. Интересно, продают ли в мотеле жесткие мочалки?

Она попыталась вновь сосредоточиться на дороге, но ей мешал шум в ушах. Странный звук, что-то среднее между шелестом и невнятным бормотанием. Кажется, он шел откуда-то сверху.

Ей отчаянно не хотелось поднимать голову, но она сказала себе, что должна. Так же покорно жертва кладет голову на плаху, подставляя беззащитную шею под топор палача.

Крик застрял у нее в горле. В глазах потемнело. Или это ей только казалось из-за сплошного ковра черных, мохнатых шевелящихся тел, сплошь покрывающих крышу автомобиля? Насекомые, будто почувствовав ее движение, угрожающе зашипели, защелкали, поднимая вверх передние лапы.

Она так и не смогла закричать, когда машину подбросило в воздух и вышвырнуло за обочину. Автомобиль успел перевернуться в воздухе дважды, прежде чем ударился о дно скалистого ущелья. Прочный металл сплюснулся, как фольга, брызнув во все стороны осколками стекла, окрашенного кровью.

Секундой позже раздался взрыв. Столб пламени и черного дыма поднялся так высоко, что был виден из города, но до того, как машины городских служб прибыли на место аварии, из груды раскаленного искореженного железа выбрался маленький мальчик в голубом костюмчике, с вышитым корабликом на груди. Малыш отчаянно ревел, размазывая грязь, слезы и сажу по красной от натуги мордашке и растерянно оглядывался, будто не понимая, как здесь оказался.

Вой сирен напугал его еще больше. Прекратив реветь, пацаненок резво припустил прочь и скрылся, просочившись сквозь густые заросли дикого шиповника и ежевики.

Глава 1

Десять... девять... восемь... семь... шесть... пять... четыре... три... два... один... В эфире!

– Здравствуйте, дорогие телезрители! С вами программа «Ночной пророк» и я, Анна Сомова, – привычно улыбнулась в камеру яркая брюнетка специфической внешности в черном, с головы до ног увешанная мелодично позвякивающими амулетами. Выражение интеллектуального превосходства на ее лице компенсировалось веселыми искорками в сине-зеленых глазах, похожих на речную заводь, и легкой улыбкой. Не будь она искренне доброжелательной и щедрой до идиотизма, нашлось бы немало людей, ненавидящих ее.

Ближайшие сто двадцать минут Анне предстояло убедительно изображать из себя таинственную всевидящую колдунью и отвечать на бесчисленные вопросы тех, кого в недобрый час одолела бессонница. Презируя себя за этот маскарад, девушка старательно следовала сценарию и подчинялась командам режиссера, голос которого уже просверлил дыру у нее в голове.

– Представьтесь, пожалуйста, и задайте свой вопрос, – ласково попросила Анна и потянулась, чтобы взять карандаш – записать бессвязный бред, льющийся из динамика. На среднем пальце сердито сверкнул крупный зеленый изумруд, оправленный в старинное золото, такой большой, что все принимали его за бижутерию. Бижутерией как раз было все остальное, но об этом знала только Анна, так же как и то, что является ведьмой не только по сценарию.

Обычные люди весьма смутно представляют себе, кто такие ведьмы. Ну, там, метла, черный балахон, серебряные фенечки типа перевернутой звезды или лыбящегося черепа, в идеале – островерхая шляпа. Попса, одним словом. Нет, конечно, среди ведьм встречаются те, у кого шкафы ломятся от оккультного барахла, но подлинные ведьмы чудненько обходятся без оного. Для Анны давно минули времена, когда она, высунув язык от усердия, старательно выводила магические письмена на пластмассовой ручке какого-нибудь колюще-режущего предмета, купленного в строго определенный день и час, непременно на растущей луне, которому выпала честь стать волшебным кинжалом. Сейчас она знала, что самый обыкновенный кухонный тесак может все то же самое. Вдобавок им можно и колбасу покромсать при необходимости.

– Скажите, а вы летаете на шабаш? – вдумчиво поинтересовался в трубке фальцет, явно подогретый кое-чем покрепче кипяченого молока со сдобным печеньем.

Ага! Щас! Пляски гольшом в нашей полосе? Ищи сумасшедшую.

Вот волшебные мази – другое дело, тем более, что Анна приближалась к возрасту, в котором мази и кремы становятся весьма нелишними в обиходе. Летать от них не полетишь, но отражение в зеркале по утрам перестает вызывать депрессию.

Вы еще о демонах спросите, которым мы поклоняемся, – подумала Анна устало. Нет, демоны, конечно, существуют – она немало их повидала – но после более близкого знакомства с этими тварями... Нет, никакого поклонения демонам. Боже упаси!

Конечно, вслух она ничего подобного не произнесла, виртуозно навешав любопытному телезрителю лапши на уши, так, чтобы слишком не напугать, но отбить на будущее желание звонить, куда не просят, и спрашивать глупости. До утра ему точно будет над чем подумать – спать он все равно не сможет.

Режиссер не одобрил Аннину самодеятельность и долго читал ей нотацию в ухо, но ей было наплевать. Ей давно осточертела эта работа, и держалась она лишь потому, что среди скучающих, пьяных и сексуально озабоченных полуночников иногда попадались люди, которым реально была необходима ее помощь.

Но терпение Анны было на исходе.

С трудом высидев до конца передачи – а куда сбежишь из прямого эфира? – и терпеливо выслушав привычную порцию комплиментов по поводу высоких рейтингов, Анна наконец-то

смогла пойти домой. Этим словом она теперь называла уютную съемную квартиру в чужом городе, в чужой стране. Человек, он ко всему привыкает.

Это время суток Анна любила больше всего. Ходьбы до дома было всего минут пять, и она могла позволить себе не спешить, с наслаждением вдыхая свежую прохладу пустынных улиц. Да и куда ей торопиться? Ник давно видит десятый сон под надежной охраной Каспера, а больше ее никто не ждет.

Беспокойный предрассветный ветер старательно подметал спящий город. Каблуки Анны гулко стучали по тротуару. Где-то вдали бибикнуло ночное такси, донесся чей-то неразборчивый крик. Уличные фонари бледнели в сумерках, и улица выглядела нереально серебристой, похожей на елочную игрушку.

Предложение приехать сюда оказалось неожиданным, но своевременным. Она как раз искала место, куда можно спрятаться от собственных невеселых, запутанных мыслей. Она практически ничего не знала о кинокомпании и имела весьма смутные представления об этой стране, но согласилась, не раздумывая.

Страна оказалась маленькой, а кинокомпания – большой и богатой, но это выяснилось только впоследствии. Анна до сих пор радовалась, что ей не пришлось пожалеть о своем неожиданном поступке.

Девушка остановилась у двери парадного и достала сигарету, пытаясь продлить минуты спокойного одиночества. Стояла полная тишь. С покатых крыш над головой доносилось царапанье маленьких лапок, сонная возня и бархатистое воркование – это просыпались голуби.

Макс... Ну да, они расстались. Нет, никто никому не изменял, и даже любовь еще тлела где-то под толстым слоем пепла. Так иногда случается: не вышло, не срослось, перегорело. То, что казалось единственно правильным, вечным, вдруг стало неважным и – что еще хуже – скучным.

Анна в сотый раз вспомнила их последний разговор:

– Уезжаешь?

– Да. Так будет легче.

– Но почему мне не легче?!

Вопрос, на который нет, и не может быть ответа.

После того, как Макс вернулся обратно в свои джунгли, Ник здорово изменился. Он старательно делал вид, что все в порядке, чтобы не огорчать мать, но Анне не нужно было слов, чтобы понять.

Поэтому она и взяла его с собой.

Так же, как и Каспера.

Касперу было не привыкать путешествовать за границу контрабандой. Вообще-то Анна не любила насыпать на людей морок, но иначе Касперу пришлось бы остаться в одиночестве на долгий срок, а он категорически возражал. Конечно, друзья Анны гарантировали коту комфортное существование во время ее отсутствия, но у него имелись свои взгляды на комфорт, и Анна прекрасно об этом знала. Каспер превратил бы жизнь друзей в ад, – причем сделал бы это играючи, – в отместку за то, что хозяйка посмела вообразить, что ему достаточно вкусной еды и уютной постели, чтобы смириться с ее отсутствием.

Таможенная мамзель и бровью не повела, когда на экране монитора возник симпатичный кошачий скелетик. Даже когда скелетик энергично помахал ей лапкой – уставший от сидения в сумке Каспер весьма некстати решил почесать себе за ухом – мамзель не дрогнула. Она отмерла лишь после того, как сумка оказалась в руках хозяйки и вежливо пожелала пассажирке с ребенком счастливого пути.

– Мам, а что она видела? – заинтересованно спросил Ник, закидывая на плечо увесистую ручную кладь.

– Ничего, – пожала плечами Анна. – Она видела ПУСТУЮ сумку.

Ник хихикнул украдкой.

Затаившись на дне большой дорожной сумки, Каспер стоически выдержал многочасовой перелет и даже не нагадил. Больше того, когда он, помятый и всклокоченный вывалился из сумки на пороге их нового жилища, на его усатой морде явно читалось глубокое удовлетворение.

* * *

Осторожно повернув ключ, Анна на цыпочках вошла в однокомнатную квартиру. На самом деле у них было две комнаты, просто в Европе гостиная подразумевалась как само собой разумеющееся, а количество комнат считалось по количеству спален. Спальня была одна, и в ней сейчас сладко спал ее сын.

Анна щелкнула выключателем. Каспер, успевший просочиться в прихожую, недовольно сощурил огромные желтые глаза. Скинув туфли у порога, Анна прокралась на кухню, Каспер поплелся за ней, старательно зевая, но это не произвело должного впечатления на хозяйку, и он прочно обосновался у своей миски, всем своим видом показывая, что уже скоро, практически сейчас, его настигнет голодная смерть. И он, бедный, так и останется лежать застывший, у чисто вылизанной тарелочки.

– Вымогатель, – шепотом укорила Анна, но свежего корма все-таки насыпала. Каспер немедленно с энтузиазмом захрустел, в поддержку своей версии о несчастном голодающем животном.

Чаще всего, особенно при посторонних, Касперу удавалось убедительно разыгрывать из себя обыкновенного глупого кота, у которого на уме сплошные глупости вроде мышей, вкусной еды и соседских кошечек. Но это было сплошным притворством. Каспер был здоровенным, угольно-черным персом-переростком, под свалывшейся шкурой которого таились неумные жизненные силы. Его шерсть, несмотря на использование самых лучших кошачьих шампуней и кондиционеров, больше напоминала один большой колтун. Его морда выглядела так, будто на нее наступил по меньшей мере мамонт. Впрочем, это как раз являлось признаком персидской породы, о чем Каспер никогда не забывал, как и о том, что он – ведьмин кот: когда он шествовал по улице, даже злые дворняги с визгом прятались по кустам.

Анна выпила большую кружку крепкого, очень сладкого чая, с облегчением избавилась от плотного сценического грима, прошла в спальню и с наслаждением растянулась на белых простынях. На соседней кровати посапывал Ник. Не об этом ли она мечтала? Сон в мягкой постели благоустроенной квартиры европейской столицы, запах листвы, врывающийся вместе со свежим ветерком в распахнутые окна, тишина ночного города, изредка прерывая шумом машин.

Возможно, это и есть ее воплощенная мечта. Но куда девать странное, неуместное в этом раю, предчувствие надвигающейся катастрофы? Анна посмотрела на сладко спящего сына и улыбнулась в темноте. Возможно, все еще закончится хорошо. Возможно.

Каспер мягко вспрыгнул на постель, прошел по самому краю и потерся о ее лицо, громко мурлыча колыбельную. Он еще немного помассировал ее когтистыми лапами и плотно ввинтился подмышку, уверенный, что всем приличным котам давно пора спать, а думу думать можно и утром.

Разбудил ее колокольный звон, плывущий над городом. Ник промычал что-то в подушку, явно неодобрительное, и отвернулся носом к стенке. Анна легко соскочила с кровати, шагнула к окну, чтобы прикрыть створку и залюбовалась.

Далеко впереди, среди деревьев и красных черепичных крыш, церковный шпиль поймал первые лучи солнца и засиял тонкой золотой иглой. С колокольни вспорхнули птицы, громко хлопая крыльями. Сладко пахла цветущая липа под самым окном.

Анна перевела взгляд на часы – всего лишь полвосьмого. Спала она совсем недолго, но чувствовала себя бодрой и полной сил. Прихватив со стула свою одежду, она бесшумно выскользнула из комнаты. Каспер деловито семенил следом, готовый следовать за любым, чей путь лежал в сторону холодильника. Хозяйка действительно пошла на кухню и Каспер законно рассчитывал на плотный завтрак, раз уж других развлечений здесь не предусмотрено.

На улицу ему выходить запрещалось. Никто не сомневался в его способности постоять за себя, но в этой стране со зверьем было строго: приличным кошкам и собакам не полагалось бродить по округе без присмотра. Каспера немедленно изловили бы специальные службы и отправили в приют до выяснения, а это означало большие сложности.

– Придется тебе потерпеть, – сочувственно сказала Анна и в качестве компенсации положила в миску дополнительную порцию свежей курочки.

Против курочки Каспер не возражал и немедленно уткнулся мордой в миску, так, что хозяйка не успела заметить хитро блеснувший желтый глаз мохнатого разбойника. По его мнению, ей не стоило знать о том, что Каспер уже дважды выбирался на свободу, используя в качестве парадной лестницы старую липу под окном. Ник, разумеется, был в курсе, но не выдавал кота из солидарности.

Нельзя сказать, чтобы Каспер был от города в полном восторге. Скорее – наоборот. Он обшарил окрестности на предмет любовной интрижки или, на худой конец, хорошей драки, но так и не обнаружил ни одной бесхозной зверушки. Те, что на поводках – никуда не годились, к ним прилагались бдительные хозяева. Заскучав, он немного полазил по помойкам и вновь облом: мусорные баки у этих чудиков сияли девственной чистотой и отвратительно воняли моющим средством.

Окончательно заскучав, Каспер разыскал табунок крупных собак, уселся напротив, приглашая поиграть в салочки, и долго им улыбался, но псы отчего-то испугались и удрали в парадный подъезд.

Нет, в этом городе решительно нечем было заняться.

* * *

Ник все еще не проснулся и Анна решила, что успеет купить что-нибудь вкусное к завтраку, тем более, что впереди-два выходных дня, а в этой стране свято чтит трудовой кодекс: в субботу и воскресенье ни один магазин не работал.

Первым делом девушка заскочила в крошечную пекарню, благоухающую свежесдобитым хлебом. Хозяева быстро запомнили новую покупательницу и теперь встречали ее такими же радушными улыбками, как и других местных жителей. Здесь вообще не жалели улыбок. От всеобщей искренней вежливости Анна поначалу чувствовала себя неловко, но быстро расслабилась и теперь тоже улыбалась всем без разбора, не боясь, что ее поймут как-то не так.

Девушка наполнила специальный бумажный пакет горячими, хрустящими булочками с кунжутом и прихватила пару сэндвичей с копченой индейкой-здесь их готовили изумительно. В соседнем магазинчике к покупкам добавились йогурт, густая сметана и свежие сливки, а так же кусок нежно-розовой ветчины для Ника и несколько упаковок моцареллы для нее. Любимый сыр Анны стоил здесь сушие копейки, раза в три дешевле, чем дома и она лопала его в свое удовольствие с помидорами и пахучим базиликом по три раза на дню.

Правда, другой модный в России продукт, стоивший здесь не дороже картошки, Анну разочаровал. Спаржу она выбрала сочную, белоснежную, только что с грядки, – впрочем, другой здесь не держали, – сварила ее по всем правилам, но съесть не смогла. На вкус деликатес напоминал лежалую свеклу. Оставалось удивляться энтузиазму российских приверженцев здорового образа жизни. Хотя, на вкус и цвет...

Чтобы купить овощей, пришлось перейти на другую сторону улицы. Глаза разбегались, хотелось всего и сразу, но сначала Анна уверенно направилась к лотку с помидорами и сладким перцем. Местный язык выучить не представлялось возможным, но, к счастью, почти все продавцы понимали английский.

– Еще брокколи, пожалуйста, – попросила Анна. Продавец кивнул и тут же принялся обрывать с кочана покрытые росой упругие внешние листья, прежде чем положить его на весы.

– И не лень тебе готовить в такую жару? – вяло поинтересовались у нее за спиной на родном языке.

– Нет, – миролюбиво улыбнулась Анна, узнав голос Виолетты. – Я люблю свежие овощи.

– Ясно, на диете сидишь, – понимающе ухмыльнулась женщина, – а я вот ем, что хочу и предпочитаю мясо. – Она с удовольствием огладила свои весьма рельефные тела.

Анна не стала объяснять, что диета тут ни при чем, да и Виолетта не нуждалась в объяснениях. Несмотря на раннее утро, коллега была при полном параде: густо наложенный макияж расплылся от жаркого солнца, высоко взбитые обесцвеченные волосы напоминали продукцию валяльно-чесального комбината периода глубокого застоя. Платье цвета «вырви глаз» в блестящих, гораздо более короткое, чем стоило бы носить в ее возрасте – а дамочка разменяла шестой десяток – выглядело просто убийственно. Прохожие оборачивались, но Виолетта самоуверенно принимала их брезгливое любопытство за восхищение.

– Russian whore? – подмигнул Анне продавец, передавая пакет с покупками и сдачу.

– No, no, thank you! – замотала она головой.

– Что «ноу, ноу»? – возмутилась Виолетта, не говорившая на английском, впрочем, как и ни на одном другом языке, кроме родного. – Что он сказал?

«Правду», – хотелось ответить Анне, но она солгала:

– Ничего, просто поблагодарил за покупку и предложил заходить еще.

– Да? – недоверчиво переспросила блондинка, которой фраза иностранца показалась слишком короткой для такого длинного предложения.

Анна уверенно кивнула.

Виолетта, в свою очередь обольстительно – по ее мнению – улыбнулась продавцу, выудила из плетеной корзиночки самую крупную клубничину и многозначительно ее облизнула.

Что крикнул им вдогонку продавец, на этот раз не разобрала даже сама Анна, но догадалась, что лучше ей поискать другой овощной магазин.

Глава 2

По паспорту Виолетту звали Машей. Об этой личности мало, что можно было сказать приличного, чтобы девушки не зарделись. По телецентру ходили упорные слухи о том, что все свое свободное время дамочка проводит в постели очередного случайного любовника, которых выискивает по злачным местам с упорством, достойным лучшего применения. Однако, даже такие типы возле нее не задерживались. Но Виолетта не сдавалась. Коллеги уже устали травить анекдоты о похождениях несчастной нимфоманки, причем Анна подозревала, что большая часть сплетен исходит от самой героини.

В глубине души Анна жалела беднягу. Сколько их, таких мягких сдобных теток с волосами, похожими на взбитые сливки, киснет в России? То-то и оно! Виолетте здорово повезло оказаться в нужном месте в нужное время и от этого везения у нее слегка накренило крышу.

Телевизионное начальство относилось к своей сотруднице снисходительно. Виолетта была обычной шарлатанкой от магии, однако имела хорошие рейтинги, так как умела демонически сверкать глазами и сучить наманикюренными лапками с нужной амплитудой.

При всем своем сочувствии и лояльности Анна очень надеялась, что дальше Виолетта отправится гулять самостоятельно, но той вдруг понадобилась компания. Понимая, что поход по магазинам нужно сворачивать, чтобы не пришлось впоследствии ездить за продуктами на другой конец города, Анна повернула к дому.

Виолетта упорно топала следом. Возле парадного она ухватила Анну за рукав, но сделала это как-то не слишком уверенно, что заставило девушку удивленно оглянуться.

– Послушай, а давай сейчас завалимся ко мне в гости? – оgoroшила Виолетта. Анне мысль показалась не слишком удачной.

– У тебя что-то произошло? – догадалась она, удивленная не столько самим предложением, сколько тоном, которым оно было сделано.

– Пока нет, – хмыкнула Виолетта, но весело ей не было. Она и сама догадалась, что переигрывает, и честно призналась: – Кажется, я во что-то вляпалась.

Положим, вляпывалась она с завидной регулярность, но сейчас случилось что-то совсем уж неординарное, – поняла Анна и спросила без энтузиазма:

– Чем могу помочь?

– А вот пошли ко мне – расскажу, – попыталась заинтриговать ее Виолетта.

– Может, лучше здесь? – со слабой надеждой спросила Анна, перекладывая в другую руку тяжелую сумку.

– Нет, не здесь. Я не только расскажу, но и покажу кое-что, – напустила дамочка туману, но Анна не впечатлилась. Однако отступить было некуда – ясно же, что не отстанет. Спорить с Виолеттой было все равно, что колотить пуховую подушку: вы уже из сил выбились, а подушке хоть бы хны. Поэтому Анна признала свое поражение и пообещала явиться лично, после того, как покормит сына завтраком.

– Господи, дети! Терпеть их не могу, – скривилась пожилая прелестница, томно поводя туго упакованным в лифчик бюстом. Странное заявление для матери трех очаровательных крошек, которые мирно выросли у бабушки в Урюпинске. Героическая старушка определенно заслужила медаль на грудь, так как на днях справила восьмидесятилетие.

Виолетте повезло, она жила не в многоквартирном доме, а на вилле. Правда, ей там принадлежала всего лишь комната, зато живописный сад был в ее полном распоряжении. Жаль, что Виолетта предпочитала природным красотам радости иного толка и не могла вполне наслаждаться своим положением. Она вечно жаловалась на не в меру любопытную хозяйку, обретавшуюся тут же, в остальной – и весьма обширной – части дома.

Тетушка Видонка платила жиличке взаимностью и на дух ее не переносила. Она уже сто раз пожалела, что пустила эту русскую на постой. Деньги, конечно, платили немалые, а они, как известно, ни в каком хозяйстве не помешают, но никакие барыши не могли окупить беспокойство от бесконечных гостей весьма сомнительной наружности и бессонных ночей – а кто, спрашивается, может спокойно спать, когда над головой все трясется, скрипит и стонет до самого утра?

Открыв ворота на звонок, тетушка Видонка приготовилась дать отпор очередному неожиданному посетителю, но, увидев просто одетую девушку с ненакрашенным лицом и забранными в хвост волосами, слегка растерялась. Она подумала о том, что незнакомка, должно быть, ошиблась адресом, но девушка назвала имя жилички и беспрепятственно прошла внутрь.

Тетушке Видонке страсть как хотелось узнать, зачем к потаскушке пожаловала этакая принцесса, но – увы – гостя плотно закрыла за собой дверь в комнату.

Анна была не в настроении. Глупый каприз Виолетты стоил ей несчастных глаз сына, который целую неделю ждал выходных, чтобы вместе отправиться на экскурсию в замок. Анне с большим трудом удалось заставить его улыбнуться, пообещав вечернюю прогулку по городу с обязательным заходом во все мороженицы, что встретятся им по пути. Конечно, это грозило ангиной, но на меньшее ребенок не соглашался.

– Ну, что у тебя стряслось? – нетерпеливо спросила Анна, присаживаясь на самый краешек широкой неприбранной тахты, на которой возлежала Виолетта в прозрачном пеньюаре кислотного-розового цвета.

Комнату можно было бы назвать уютной, если бы не полнейший беспорядок вокруг. Фантики от конфет на туалетном столике, потемневшие банановые шкурки на тумбочке и россыпь дешевых женских еженедельников на полу создавали живописный, но не самый приятный ландшафт, который хозяйка даже не замечала. Единственное, что пребывало в полном порядке в этой комнате – гардероб Виолетты. Вся одежда аккуратно висела на плечиках на вбитых прямо в стену толстых гвоздях, представляя собой живописное панно, от которого у неподготовленного зрителя мог приключиться эстетический шок.

Дрыгнув ногой, обутой в плюшевый тапочек с помпоном, Виолетта, оттягивая разговор, предложила:

– Выпить хочешь?

Анна и так догадалась, что без ста грамм проблему не решить, но благоразумно ответила:

– Выпить-нет, а вот попить бы не отказалась. Жарко очень. Вода у тебя есть?

– В холодильнике, – мотнула кудлатой головой хозяйка. – Возьми сама. Леня встать.

Анна достала бутылку, свинтила крышку, сделала два глотка и снова вопросительно уставилась на хозяйку.

– Ну? Будешь говорить или я пойду? – спросила она с тайной надеждой, что ей предложат второе. Невооруженным глазом было видно, что Виолетту тяготит предстоящий разговор, и она до сих пор не решила: а нужен ли ей вообще чей-то совет? Похоже, тема была на редкость щекотливая.

Анна уже начала надеяться, что они с Ником успеют на экскурсию, но в этот момент Виолетту прорвало.

– Только обещай, что не настучишь, – предупредила она, целясь в лоб гостю устрашающим алым когтем.

– Если ты не готовишь покушение на президента страны – клянусь. – Анна шутливо прижала руку к сердцу, все еще полагая, что ей предстоит распутать очередной гордиев узел любовных отношений с насыщенным сексуальным подтекстом, но надеялась она зря.

Вертя попой, как гусеница, Виолетта чуть сдала назад, не покидая ложа, дотянулась до тумбочки и достала из ящика небольшой предмет, завернутый в кусок чистой мешковины.

– Вот, любуйся, – она сунула сверток Анне в руки.

Немного помедлив, Анна развернула ткань и присвистнула:

– Где ты взяла эту чудовищную хрень?

– Подарили, – быстро выпалила Виолетта.

– Да? – с сомнением протянула Анна, разглядывая небольшую шкатулку, от которой за версту разлило ржавчиной, свежей землей и большими неприятностями. – А если по чесноку? Виолетта упрямо молчала.

Шкатулка на первый взгляд отметила как минимум четырехсотлетие и выглядела откровенно угрожающе. Под толстым слоем ржавчины угадывались персонажи, не вызывающие умиления: змеи, пауки и прочие гады в количестве. Их тесно переплетенные тела покрывали всю крышку, местами сползая на боковые стенки, отчего казалось, что нечисть живет какой-то своей жизнью и лучше в эту жизнь не встречать. Ручка шкатулки представляла из себя ампутированную конечность скелета, выполненную со всеми анатомическими подробностями и прикасаться к ней особенно не хотелось. Хотелось выкинуть шедевр средневекового творчества в форточку, но Анну с детства приучили уважать чужую собственность, и она просто поставила шtukовину на край стола.

– Ну, так что? Будешь исповедоваться? – повторила вопрос Анна.

– Ладно, скажу, – вздохнула Виолетта. – Мне ее принесла одна женщина.

– А одна женщина объяснила тебе, как к ней попала эта вещь?

– Более или менее. Она нашла ее в саду, прямо на грядке, когда сажала кабачки. Или тыкву? В общем, какую-то рассаду. Вещица произвела на нее впечатление и показалась ценной, но прежде, чем отнести ее к местному антиквару, чтобы оценить, ей захотелось посоветоваться с независимым экспертом. Пока она думала, ей на глаза попала наша передача. Тетка решила, что это знак, вызнала адрес и явилась прямиком сюда. Но сначала она попыталась шкатулку открыть, думала, что там...

– Золото-брильянты? – усмехнулась Анна.

– Вроде того. Шкатулку она своими силами не открыла, а просить помощи у соседей побоялась, – настучат – так что надумала решить проблему прямо на месте, то есть с моей помощью.

– И ты, конечно, «помогла», – вздохнула Анна. Ей все было ясно: Виолетта втайне организовала подпольный прием клиентов, разумеется, за отдельную плату. Конечно, это было строго запрещено, но когда это Виолетту останавливали запреты? Одна из клиенток подложила ей свинью, притащив артефакт, которому самое место в адском пекле. Когда это дошло до недалекой Виолетты, она подсуежилась и свалила проблему на Анну – а чего одной париться?

– Что это за шtukовина? – проявила дамочка запоздалое любопытство.

– Уж не коробка с леденцами, – отрезала Анна, в отличие от легкомысленной товарки, вполне отчетливо осознавая глубину той задницы, в которую они обе угодили. – Даже просто прикасаясь к ней, чувствую, будто иду по яичной скорлупе. Это опасно!

– Наверное, ты приносишь яйца с собой, – хмыкнула женщина. – Лично я ничего такого не испытываю. – Она помолчала, наслаждаясь произведенным эффектом, а потом спросила вопреки логике: – И что теперь делать?

– Вернуть. И закопать. И надпись НЕ писать, чтоб другой какой идиот не нашел. А потом сходить в церковь и поставить свечку, чтобы пронесло.

– Круто, – одобрила Виолетта, – только ничего не получится.

– Интересно, почему меня это не удивляет? Так в чем подвох?

– Та бабулька забыла сказать, где живет. И телефон не оставила, – Виолетта развела руками и с притворной грустью вздохнула.

– Я бы на ее месте поступила так же, – невесело усмехнулась Анна.

Виолетта округлила глаза:

– Думаешь, это она специально?

– Почти уверена. Старушка оказалась умнее тебя и быстро смекнула, что от этой штуковины лучше держаться подальше, если только... Ладно, пойду я. От меня все равно толку мало.

– Но ты ведь мне совсем не помогла! – возмутилась Виолетта.

Анна обернулась от двери, в которой торчал большой старинный ключ, и от ее взгляда женщина поежилась:

– Ладно, ладно, не кипятись. Может, хотя бы взглянешь на то, что лежит внутри?

– Так ты ее все-таки открыла?! – взвыла Анна. – Нет, ну есть ли предел человеческой тупости?! По-моему, гель для укладки проел тебе мозги.

– Это был мой цинизм. И потом, я же не знала, что все так запущено, – дернула плечиком старая кокетка. – Любопытно стало. Ни спать, ни есть не могу, все думаю, что же там спрятано? Сама, конечно, не справилась, только пилку для ногтей сломала. Показала ларчик одному... ну, знакомому. Он спец по замочкам. Но и он долго провозился. Открыли наконец, а там... Вот!

Виолетта сунула открытую шкатулку под нос Анны. Та со стоном отшатнулась, ударилась о входную дверь так, что старинный ключ вывалился на пол из замочной скважины, но было поздно. Она увидела нечто из серии «глаза бы мои этого не видели»: на разложившемся от времени куске черного бархата покоился... вырванный с корнем зуб. Очень крупный, желтоватый, определенно человеческий, если не считать заостренного нижнего края, испачканного бурными пятнами, до отвращения напоминающими засохшую кровь.

– Вот черт, – не сдержалась Анна. Не сводя глаз со страшного содержимого, она почти машинально присела на корточки, нашарила на полу ключ и, бросив на него рассеянный взгляд, вставила на место.

Виолетта, внимательно наблюдавшая за ее лицом, встрепенулась:

– Думаешь, это зуб вампира, да?

– Нет, это вставная челюсть моей бабушки, – огрызнулась девушка.

– Неет, это вампир, – с мечтательной улыбкой протянула дамочка, и глаза ее затуманились.

– Ты, мать, «Сумерек» пересмотрела, хоть тебе и не по возрасту. – остудила ее пыл Анна. – Вот эта хрень – она с отвращением ткнула пальцем во все еще открытую шкатулку, – это тебе не карамельные сопли для маленьких девочек. Вампир по определению не джентльмен, и уж точно – не любовник, он – гурман. Хочешь стать главным блюдом дня?

– Ты так говоришь, будто вампиры и в самом деле существуют, – неуверенно хихикнула Виолетта.

– Существо – уют, – с нехорошей улыбкой заверила ее Анна. – И не дай тебе бог в этом убедиться. – Она взглянула в округлившиеся глаза Виолетта и спохватилась: – Прости. Я напугала тебя. Каюсь, не сдержалась. Очень надеюсь, что твоя находка – всего лишь пустышка, из которой все давным-давно выветрилось, а ее хозяин обратился в прах. Вещица хоть и подлинная, но очень старая. Если что и было – быльем поросло.

– Не знаю, не знаю, – мстительно протянула дамочка, – я тут в Интернете покопалась. – Она приосанилась, невероятно гордая собой. – Так вот! В этих местах то и дело что-нибудь случается. Такое впечатление, что нечисть здесь просто кишмя кишит. В том числе и вампиры. Их в средние века тут водилось, что в тайге медведей.

– Охотно верю, но сейчас избавь меня от экскурсии в историю. Тебе лучше поскорее отнести этот «подарочек» куда-нибудь подальше от дома и забыть обо всем.

– Можно подумать, я не пыталась, – неожиданно сникла Виолетта. Уголки ее ярко накрашенного рта опустились, а в глазах мелькнуло беспокойство.

– Пыталась? – удивилась Анна ее благоразумию. – И что?

– Она возвращается. – С глубоким вздохом призналась женщина. – Первый раз я ее просто на помойку вынесла. Так она уже к вечеру снова на подоконнике стояла. Я тогда не слишком испугалась, решила – тетушка Видонка постаралась: увидела в мусорке ценную вещь и

прибрала. Они тут, блин, бережливые. Во второй раз я эту дрянь аж за город вывезла, чтобы наверняка. Специально такси наняла, не пожмотничала. Два дня потом радовалась. А на третий шкатулка появилась вот на этой тумбочке, представляешь? Открываю утром глаза – стоит, зараза! Эй, что с тобой?

– Это хуже, чем я предполагала, – выдавила Анна. – Нужно подумать...

– Только ты думай быстрее, – попросила Виолетта. – А то...

– Что еще?

– Да так...

– Нет уж, выкладывай до конца, а то у меня от твоих сюрпризов уже волосы дыбом.

– Да пожалуйста. Только не говори потом, что я спятила. – Она наклонилась вперед и понизила голос: – Мне тут мерещится всякое... Хотя я, вроде, не пью. Может, это возрастное?

В голосе женщины звучала надежда, и это напугало Анну больше всего. Виолетта так тщательно скрывала цифру в своем паспорте, что и сама, кажется, иногда забывала, что там нарисовано и вдруг она с радостью готова диагностировать у себя старческий маразм!

– Что тебе привиделось? – мягко спросила Анна.

– Ничего конкретного, – призналась Виолетта. – Но иногда, когда я прохожу мимо зеркала, мне кажется, что там, внутри, кто-то есть. Он прячется, но, когда я не смотрю, следит оттуда за мной. Думаешь, я сошла с ума?

– Боюсь, что нет.

Глава 3

Анна уже произнесла свое привычное «Здравствуйте» и прямой эфир шел полным ходом, а на экране, на месте «маленького окошка» все еще красовалась заставка. Со своего места девушка прекрасно видела пустой стул напротив.

По задумке режиссера эфир вели две ведущие. Одна из них непосредственно вела программу, отвечая на короткие вопросы в студии, а вторая, изображение которой красовалось в нижнем углу экрана, в аккуратной маленькой рамочке, в то же самое время беседовала с клиентами с глазу на глаз. У звонящего был выбор: задать свой вопрос на всю страну или пошептаться с гадалкой без посторонних ушей. Народ предпочитал прямой эфир, кайфуя от своего голоса, звучащего из телевизора и оттого, что тетя из того же ящика разговаривает с ним, уютно расположившимся на диванчике в трусах и с пивом.

Но и в «маленьком окошке» эксперту было чем заняться.

Сами ведущие работу в «маленьком окошке» не любили. Платили за нее мало, гримироваться приходилось самому, а вкалывать – по ночам и на износ. Больше других возмущалась Виолетта. В частной беседе быстро становилось понятно, что сказать ей по большому счету нечего, что сильно било по самолюбию, а скромный гонорар за такое унижение возмущал дамочку до глубины души. Справедливости ради нужно заметить, что из-за высоких рейтингов сия участь выпадала ей крайне редко, но сегодня как раз был такой день.

С начала эфира прошло уже десять минут, а во втором кресле все еще никого не было.

Наконец дверь в студию бесшумно открылась, и кто-то проскользнул внутрь. Во время эфира входить в студию посторонним было строго запрещено, так что Анна поняла – ее партнерша, слава богу, явилась. Не переставая говорить, девушка бросила взгляд на соседнюю декорацию и остолбенела. Ей с трудом удалось удержать нить разговора с очередным клиентом ибо зрелище, представшее ее глазам, было впечатляющим.

К сожалению, это была не Виолетта.

Ко второму столику с достоинством проплыла... Попышева.

– Анна, держи себя в руках, – предупредил наушник голосом редактора, тщетно пытающегося не заржать в голос.

Хорошо ему.

На голове Попышевой красовалась причудливая конструкция из темных кучерявых волос и пышного букета алых маков. В тон ярким, откровенно пластмассовым цветам ведущая подобрала блузку в псевдоиспанском стиле с пышными оборками. Дальше начиналась собственно катастрофа: под блузкой ничего не было. То есть, были еще трусы – наивно-белые, исключительно удобные, хлопковые – они кокетливо выглядывали из под пламенеющего подола кофточки, обтягивая увесистую попу, давно проигравшую битву с целлюлитом. Но на этом все.

К счастью, нижнюю часть ведущей надежно скрывал стол со свисающей до самого пола скатертью, так что, когда изображение Попышевой появилось на экране, все выглядело вполне пристойно. Но программа все равно пошла наперекосяк. Анна то и дело сбивалась, так как при взгляде на партнершу ее душил смех. Она старалась не смотреть в ту сторону, но с этим возникли сложности, так как редактор немедленно требовал, чтобы она прекратила сидеть в кадре боком. Анна послушно поворачивала голову, и все начиналось по новой.

Конечно, Попышева и раньше выкидывала коленца: то начинала разбрызгивать вокруг воду литрами, то принималась танцевать, то и дело выпадая из кадра, а один раз водрузила на голову цветочный горшок и просидела в таком виде до конца передачи, уверяя зрителей в том, что это лучший способ зарядиться положительной энергией.

После последнего случая дирекция запретила ей появляться в «большом окне», но она, и в «маленьком» не скучала.

Все разъяснилось после окончания эфира.

Попышева, выслушав от редактора все, что он о ней думает, спокойно натянула брючки, которые висели тут же, в операторской, на неисправном мониторе и фыркнула:

– Подумаешь! Никто ничего не заметил. Сами вызывают, кричат «быстрее, быстрее!», а на улице дождь, между прочим, и машину за мной не прислали. А такси здесь отвратительное! Представляете, я им прямо под колеса кидаюсь, а они меня объезжают и улепетывают! Ну, одного-то я все-таки отловила, он меня сначала чуть не задавил, а потом прямо до подъезда довез. Даже денег не взял. Но ведь я вся вымокла! И что мне теперь, два часа преть в мокрых брюках? Не дождетесь! Здоровье дороже!

– А что случилось с Виолеттой? Сегодня ведь ее смена, – успела Анна вклиниться с вопросом.

– Откуда я знаю, где Виолетта? – возмутилась Попышева. – Наверняка опять пустилась во все тяжкие. Вчера, например, мы нос к носу столкнулись в фирменном магазине, так она там такое платье примеряла – мама дорогая! И где она только деньги берет? Лучше бы она их себе на новые мозги откладывала.

– Ну, мозги тут многим не помешали бы, – заметил себе под нос оператор, но Попышева его уже не услышала. Подхватив кого-то, кто не успел вовремя убежать, она потащила жертву к лифту, оглашая окрестности дикими воплями.

После проливного дождя резко похолодало, улицы окутал густой туман. Удовольствие, конечно для любителя, но для Анны в тумане была своя прелесть – таинственность. Простые, привычные вещи растворялись в дымке, превращаясь в нечто манящее и привлекательное. Или пугающее, потому что сквозь мутную влажную пелену их трудно было узнать.

Анна спешила домой, стараясь отогнать подальше мрачные предчувствия. Она никогда не была мнительной, а легкомысленная Виолетта и вовсе не заслуживала ее переживаний. Если уж к такому солидному возрасту потаскушка не нажила мозгов, ей стоило приготовиться к тому, чтобы нести за это ответственность.

Однако, вопреки здравому смыслу, тревога острым коготком настырно царапала сердце.

После последней встречи стало ясно, где Виолетта берет деньги. Вовсе не там, где все думали. Охочие до доступного тела кавалеры не отличались избыточной щедростью, им это было ни к чему. Зато телезрители, насмотревшись на ее шаманство перед камерой – это другой разговор. Люди охотно верят всему, что увидят в телевизоре, каким-то таинственным образом в этот момент их здравый смысл берет длительный отпуск, и начинаются «чудеса». И бог бы с ним, с ее подпольным приработком, если бы не по-настоящему опасный артефакт, оставленный последней клиенткой.

Анна еще тогда удивилась тому, как легко Виолетта согласилась избавиться от злополучного «сувенира» – она никогда и ни с кем не соглашалась, – а сейчас и вовсе сомневалась, что дамочка последует ее совету.

Поразмыслив, Анна пришла к выводу, что существует единственный способ навсегда распрощаться со шкатулкой, о котором и собиралась сообщить Виолетты сегодня после эфира: вещица должна уйти тем же путем, что и пришла, то есть вернуться к обнаружившей ее женщине, а затем – обратно в землю. Если эта дрянь пойдет другой дорогой, то непременно запутается и вернется, в чем уже успела убедиться горе-колдунья.

Туман был таким густым, что Анна, задумавшись, едва не пропустила нужный поворот. Улица казалась пустой и незнакомой. Фасады домов расплывались, делаясь похожими один на другой. Анна добралась до двери своего парадного едва ли не на ощупь, достала ключ, и в этот момент в глубокой тени – слева от нее – дернулся и застыл в воздухе красный кончик сигареты. Странно. Обычно уже после девяти вечера улицы пустели и ни разу до сих пор, возвращаясь с

работы, Анна не видела ни единого прохожего. Но сейчас здесь кто-то был. И этот кто-то явно не желал быть замеченным.

* * *

Еще в коридоре Анна услышала гул голосов, но когда, отворив дверь, она вошла в гримёрную, все разговоры разом смолкли. Молоденькие визажисты прыснули во все стороны, как тараканы при виде тапочка и теперь исподтишка тарасились на нее из углов. Глазенки были испуганные, из чего следовал вывод: произошло нечто ужасное. Но с кем и когда? Поскольку сама Анна выглядела вполне обычно, выходило, что впросак попал кто-то из других русскоговорящих ведущих. Иначе как объяснить эти любопытные взгляды? К сожалению, среди коллег хватало людей со странностями, так что внести ясность было непросто, тем более что обсуждать с ней горячую новость явно никто не собирался.

Девчонки-гримерши вполне сносно щебетали по-английски, однако при необходимости успешно разыгрывали антрепризу «моя-твоя-непонимай». Сейчас был именно такой случай. Что ж, есть и другие способы выяснить правду, хотя Анна старалась не прибегать к ним без нужды.

Читать человеческие мысли на самом деле не так-то просто. Люди так устроены, что редко думают о чем-то одном. Обычно их мысли скачут, как по полю кузнечики: словечко там, картинка тут. В этом хаосе заплутать – легче легкого, а уж просмотреть главное и вовсе раз плюнуть. С мужчинами проще, девяносто процентов их мыслей вращается вокруг секса: для секса, из-за секса, до и после секса или... хм... вместо секса. Женщины устроены сложнее. В их головах постоянная мешанина из тысячи мелочей. Немного сплетен, парочка комплексов, чуток зависти и много-много любви. Все это щедро присыпано ложью.

К счастью, сейчас мысли Верушки, которая занялась гримом Анны, бились в одну точку, как муха об стекло.

Анна закрыла глаза и сосредоточилась.

Ничего не подозревающая Верушка отточенными движениями наносила на ее лицо слой специального тонального крема, с помощью которого любой сухофрукт превращался в фарфоровое яблочко. Будучи профессионалом, девушка могла позволить себе в процессе работы думать о чем угодно.

Забираясь в мозг иностранки Анна ничем не рисковала, хотя не знала ни слова на ее языке. Люди в основном мыслят картинками, их мысли напоминают калейдоскоп, запущенный в ускоренном темпе. Эдакое немое кино с редкими титрами-комментариями.

Вначале появилось лицо Виолетты, больше похожее на шарж, с преувеличенно пухлыми алыми губами, частоколом неопрятно накрашенных ресниц и глубокими морщинами. Очевидно, так нелестно видела женщину юная визажистка. Изображение некоторое время висело в пространстве, потом стало мутнеть, будто кто-то плеснул на него марганцовки, пока совсем не растворилось в окрашенном красным воздухе.

Затем появился преувеличенно огромный, просто таки бутафорский нож, с которого медленно капала густая темная кровь, похожая на вишневый сироп. На фоне этой картинке быстро-быстро сменялись кадры, достойные самого откровенного журнала для взрослых. В конце концов, весь этот натюрморт заслонило лицо молодого мужчины. Анна попыталась удержать портрет, чтобы запомнить грубоватые черты, но скоро бросила эту затею. Чувства девушки, которые в данную минуту Анна воспринимала как свои, подсказали ей, что парень всего лишь ее дружок.

Больше ничего интересного в довольно просто устроенном мозгу девушки не обнаружилось, Анна с облегчением вынырнула на поверхность и обнаружила, что слегка перестаралась: девчонка смотрела на нее с ужасом, болезненно морщилась и держалась тонкими пальчиками

за виски. Анна поняла, что пора сматываться, чтобы избежать ненужных вопросов. Она сбивчиво поблагодарила гримершу за работу и поспешно ретировалась.

В студии все повторилось. Редактор, оператор и даже техники прятали глаза от русской. К сожалению, время поджимало, Анна, не останавливаясь, проскользнула на свое место, пообещав себе по окончании эфира встряхнуть душу из первого, кто попадет под руку. Похоже, все, кроме нее, были в курсе того, что произошло за последние двадцать четыре часа.

Применять репрессии не пришлось. Сразу после окончания передачи Анну отловила у лифта координатор Аллочка с ноутбуком подмышкой.

Милая, интеллигентная блондинка, похожая на маленькую беспокойную птичку, явно чувствовала себя не в своей тарелке. За двадцать лет, прожитых в этой благополучной стране, где все решалось как бы само собой, Аллочка напрочь отвыкла от потрясений и теперь мучительно искала в себе силы, чтобы справиться с навалившимися трудностями. Силы все никак не находились, хотя она уже влила в себя три стакана отвратительного крепкого кофе, но тут на ее спасение из дверей пятой студии появилась Анна, одна из немногих здесь, кто вызывал у Аллочки уважение, смешанное со страхом.

– Дорогая, вы должны мне помочь! – бросилась она к девушке, поспешно отставляя в сторону очередной бумажный стаканчик с недопитым кофе из автомата.

Анна удивленно взглянула на ее расширенные зрачки и всклокоченный вид, вежливо спросив:

– Что стряслось?

– О! – простонала Аллочка, заламывая тонкие руки с идеальным французским маникюром. – О!

Анна вздохнула и приготовилась к самому худшему. Аллочка закатила глаза и прорыдала:

– Это катастрофа!

– Виолетта?

– Да! Да! Угораздило же нас с ней связаться!

– Что она натворила?

– Она умерла! Представляете?! – возмутилась Аллочка.

О, да – умереть до истечения контракта – это действительно было преступлением. Сердце Анны упало и разбилось вдребезги. До этой минуты она отчаянно надеялась, что все обойдется. Не обошлось.

Аллочка продолжала скакать вокруг трясогузкой и оглушительно щебетать:

– Дорогая моя, я понимаю, как вы устали после эфира, вам нужно отдохнуть, набраться сил, но я без вас пропаду!

– Чем я-то могу помочь? Оживить Виолетту?

Вообще-то, девушка мрачно пошутила, но Аллочка немедленно наморщила лоб, явно всерьез рассматривая такой вариант. Пока идиотская мысль не успела пустить корни в ее мозгу, Анна быстро спросила:

– Как умерла Виолетта?

– Кошмарная история. Конечно, точно еще ничего не известно, но все говорят... Вы же в курсе ее... эээ... скажем так... рискованного образа жизни? Все эти беспорядочные... эээ... знакомства. Рано или поздно все должно было плохо закончиться! В полиции сказали, что у нее было... эээ... свидание, ну, как-то они там определили. И что-то произошло. Не знаю, что, но это ужас! Ужас!

Анна неожиданно испытала что-то вроде облегчения, радуясь, что ее опасения не сбылись, и тут же устыдилась. Виолетта была довольно противная, глупая, вульгарная, но смерти она не заслуживала.

– Дорогая моя! – Аллочка гирей повисла на руке и просительно заглядывала в глаза девушке. – Умоляю вас! Съездите к Виолетте!

– Прямо сейчас? – глупо уточнила Анна, искренне не понимая, чего от нее хотят. – Но зачем, если она...

– Именно поэтому! В морге сказали, что для погребения нужна одежда. Когда ее доставила полиция, она оказалась совершенно... эээ... безо всего. Вы меня понимаете?

– Голая, что ли?

– Ну да. Они нашли ее в постели.

– Кто нашел, полиция?

– Если бы! Ее обнаружили наши девочки. Сначала мы звонили, так как Виолетта не явилась к началу эфира. Телефон не отвечал. Тогда я отправила помощниц съездить и разобраться в том, что произошло. Они позвонили из ее дома в истерике. Даже полицию пришлось вызывать мне.

– А как же хозяйка?

– Ее почему-то не было. Она вернулась, когда в доме уже было полно полицейских.

– Но как же они вошли? В смысле, ваши девочки?

– Дверь была нараспашку.

– А когда все произошло?

– Наверное, ночью. Точно определяют после вскрытия. Девочки нашли ее утром, в начале девятого. Так вы поможете мне?

– Постараюсь, – через силу улыбнулась Анна. – Только меня могут не пустить. Там ведь, наверное, полиция.

Аллочка замахала руками:

– Полиция давно уехала. Хозяйку я предупрежу.

Больше отговорок не нашлось, и Анна согласно кивнула.

– У вас не будет никаких проблем! – крикнула вдогонку Аллочка.

«Проблемы у меня уже есть», – подумала девушка.

Глава 4

На улице было темно, но дом, где жила Виолетта, сиял огнями. Похоже, тетушка Видонка попросту боялась выключать свет, так была напугана.

«Господи, боже мой, кому и зачем могло понадобиться умертвлять этого божьего хомячка?» – с жалостью думала Анна, поднимаясь вслед за хозяйкой на второй этаж. Тетушка Видонка не удивилась появлению девушки, – Аллочка сдержала слово и позвонила – но вовсе не собиралась оставлять гостью одну. Старушка застыла на пороге спальни, так и не решившись переступить порог, скрестив руки на груди и следя за Анной подслеповатыми выцветшими глазами. «Смотрит так, будто я собираюсь свистнуть ее столовое серебро», – с обидой подумала Анна.

Она мельком взглянула на широкое ложе, где еще недавно беззаботно дрыгала ножкой старая нимфоманка, и сразу же отвела взгляд от пропитанных кровью простыней.

Ужасная смерть.

По большому счету, Виолетта была всего лишь безобидной потаскушкой, и никому кроме себя не причиняла вреда. Она не уводила мужей из семьи – по той простой причине, что мужчины не принимали ее всерьез – никому не переходила дорогу. Грабить ее тоже было бессмысленно, так как дамочка немедленно тратила заработанное на всякую ерунду.

Анна случайно задела рукой за стул и тетушка Видонка у дверей вздрогнула от резкого звука, а затем судорожно вздохнула. Батюшки, да она боится оставаться одна в доме! Девушке тоже не хотелось оставаться здесь ни одной лишней минуты, поэтому она решительно направилась к стене, заменяющей Виолетте платяной шкаф.

Все эти наряды скорее годились для выступления в цирке, чем для похорон. На самом видном месте красовалось роскошное длинное платье из тафты-хамелеона, похожей на змеиную кожу, наверняка то самое, которое Виолетта купила в пятницу, когда ее заметила Попышева. Платье разительно отличалось от остального барахла – по-настоящему роскошное и, безусловно, дорогое. Чтобы решиться на такую покупку, нужно иметь очень вескую причину и желательно, чтобы причина имела в банке счет со многими нулями. На меньшее и размениваться не стоит.

Из-за ворота платья свисал шелковый шнурок, на конце которого болталась глянцевая, белая с золотом бирка. Название бренда впечатляло, так же как и цена. Насколько могла себе представить Анна, у Виолетты ТАКИХ денег не водилось. Судя по всему, мадам только что напала на золотую жилу и пошла вразнос. Анна сочувственно вздохнула и переключила свое внимание на главную причину своего визита.

В конце концов, она выбрала платье, которое с большой натяжкой можно было назвать пристойным и, аккуратно свернув, положила его в пакет. Ей оставалось собрать нижнее белье и туфли, которые хранились в шкафу, путь к которому преграждала растерзанная кровать. Анна попыталась бочком протиснуться мимо открытого окна. Порыв ветра швырнул занавеску ей в лицо и она чуть не упала, в последнюю секунду ухватившись за неплотно прикрытую дверцу шкафа. Рука коснулась чего-то густого и влажного, и девушка тут же ее отдернула, непонимающе глядя на красно-бурые разводы, проступившие на коже. Кровь! Она ощутила ее терпкий запах. Держа ладонь на весу, Анна неловко, одной рукой пошарила в своей сумке, отыскала бумажную салфетку и попыталась оттереть отвратительное пятно. Ей казалось, будто она отдирает кусок липкого скотча. Вместе с кровью к подушечке большого пальца прилипла длинная прочная нить, похожая на тонкого червя, и Аня с содроганием отбросила ее прочь.

«Боже, что тут произошло?» – думала Анна, с опаской косясь на окровавленные подушки и забрызганные красным стены. Эта часть комнаты походила на бойню, вот только зарезали здесь не свинью, а женщину. Женщину, которую Анна хорошо знала.

Почти не глядя, она побросала в пакет какие-то кружевные тряпки, надеясь, что ничего не перепутала. Проверять не было сил, хотелось немедленно убраться отсюда и поскорее забыть все увиденное. Она все отводила и отводила глаза от ужасной кровати, пока взгляд, блуждающий по комнате, не зацепился за туалетный столик, жавшийся к стене на тонких ножках. Над столиком висело большое зеркало в тяжелой раме, в котором немедленно отразилась ее перекошенная бледная физиономия. Прямо под ним стояла баночка дорогого ночного крема, отвинченная крышка валялась рядом с наполовину пустой бутылкой очень дорогого шампанского.

Шкатулку Анна заметила не сразу – ее заслоняла пузатая бутылка – а, заметив, вздрогнула, точно увидев ядовитую змею. Преодолевая отвращение, девушка взяла вещицу в руки и вопросительно взглянула на тетушку Видонку. Несколько секунд они смотрели друг на друга, наконец, в глазах хозяйки дома что-то дрогнуло, будто прошла легкая рябь по воде. В этот момент Анна спросила:

– Я могу забрать это?

– Ради бога, – кивнула старушка, вертя в руках большой ключ. Анна поняла, что той не терпится поскорее покинуть эту жуткую комнату и запереть ее до приезда бригады уборщиков, которые вычистят из ее жизни пережитый кошмар. Она так торопилась, что, пропустив Анну и пытаясь вставить ключ в замочную скважину, не удержала его в дрожащих пальцах. Ключ со звоном упал на каменную плитку пола. Анна быстро нагнулась со словами:

– Позвольте, я помогу.

Ей на секунду показалось, что старушка воспротивится, но та лишь кивнула головой и отвернулась. Анна в последний раз взглянула на комнату, заметив странную темную тень, мелькнувшую в зеркале. Так бывает, когда вы, неожиданно бросив взгляд в окно, замечаете подсматривающую за вами любопытную соседку и та, застигнутая врасплох, в панике прячется за занавеской. Анна даже оглянулась, чтобы посмотреть, что делается у нее за спиной, но, кроме кутающейся в платок тетушки Видонки, облокотившейся на стену, в коридоре никого не было.

Девушка решила, что ей показалось, заперла дверь и протянула ключ хозяйке, вскользь заметив на бородке ключа свежие царапины.

– Это ведь вы обнаружили тело? – проявила девушка простительное любопытство.

– О, нет! Что вы! – испуганно воскликнула старая женщина и торопливо перекрестилась. – Когда я вернулась домой, здесь уже была полиция. И слава богу! Одна я бы этого не пережила. Ее обнаружили какие-то женщины, кажется, коллеги по работе.

– Но как они вошли? – удивилась Анна. – Входная дверь была открыта?

Старушка быстро и настороженно взглянула на девушку, словно подозревая подвох, а потом затрясла головой с удвоенной энергией так, что ее седые кудряшки окончательно растрепались:

– Была открыта, была! Наверное, убийца ее открыл. Я сама, уходя, тщательно запираю замок и еще проверяю. Память-то уже не та, – развела она руками. Это трогательное признание почему-то показалось Ане наигранным. Чуть-чуть, самую малость старушка перегнула палку. Но зачем ей привирать? И в чем заключается ее ложь? Этого Анна пока не понимала. Версию о том, что тетушка Видонка собственноручно прикончила беспокойную жиличку, девушка отмела сразу, все-таки весовые категории у них слишком разные.

Словно заметив сомнение Анны, старушка зачастила:

– Не припомню ничего подобного в нашем городе, а я здесь родилась. У нас и преступности-то нету. Многие дверь не запирают – и ничего. А я вот... – Старушка горестно пожевала губами, исподтишка поглядывая на Анну, которая задумчиво спускалась рядом с ней по лестнице. Девушка сочувственно покивала:

– Вам повезло, что убийца вас не застал. Кто знает, что ему пришло бы в голову. А где вы были, кстати? – быстро спросила она. Но тетушка Видонка не растерялась:

– Как где? Да у Теречиков! – воскликнула она с видимым облегчением. – Мы с Терезой еще во вторник договорились варенье варить. Черешня в этом году уродилась – девать некуда.

– Что ж вы, ночью варенье варите? – удивилась Анна.

– А когда же, милая? Днем других дел полно, да и жарко. А ночью – одно удовольствие, никто не мешает.

Анна снова покивала.

– А днем вы Виолетту видели? – попробовала она зайти с другого конца.

– Конечно, видела. И вас отлично помню: вы к ней в гости приходили.

В голосе старушки Анне почудилась угроза, но это ее лишь раззадорило.

– Верно, – улыбнулась она, – приходила. Около полудня. А что было после моего ухода?

– Она, как вас проводила, вскоре собралась и ушла, – неохотно призналась хозяйка. – Вернулась уже ближе к вечеру. Веселая, с пакетами.

– Веселая? – Анна остановилась у входной двери, но уходить не спешила. – Может, она кого-то ждала?

– Эта вертихвостка все время кого-нибудь ждала, – фыркнула бабулька. – О мертвых, конечно, плохо не говорят, но из песни слова не выкинешь: почти каждый вечер гости приходили. А в другие дни она являлась вместе с ухажерами. Превратила мой дом в, прости господи... проходной двор. Соседи теперь невесть что болтают!

Анна взглянула на сморщенное, рассерженное лицо и подумала, что, возможно, поторопилась сбрасывать старушку со счетов. Здесь тебе не Россия, репутацией принято дорожить...

– Значит, в пятницу Виолетта вернулась одна? – еще раз уточнила девушка. – С покупками и в приподнятом настроении. Поднялась к себе в комнату. А потом?

– Что потом? – раздраженно спросила тетушка Видонка, не зная как отделаться от назойливой гостьи. – Потом-ничего.

– Может, ей звонил кто-нибудь? Стены в дом тонкие, вдруг вы случайно слышали?

– Никто ей не звонил. Не вечером. Вот днем был звонок. Сразу после вашего ухода.

– После него она ушла?

– Не сразу. Где-то через полчаса.

Так-так-так, кто-то пригласил Виолетту на свидание? А что, все сходится. Полчаса, чтобы освежить макияж и переодеться. Значит, Виолетта считала свидание важным. Если бы не так, она бы отправилась так, как есть – Анна часом раньше застала ее при всем параде. Но вот дальше начинаются странности. Через час после того, как Виолетта выпорхнула из дома, Попышева встретилась с ней в дорогом бутике. Дамочка была уже при деньгах и выбирала платье. Выходит, деньги появились у нее в этот короткий промежуток времени. Похоже, что свидание было чисто деловым. К тому же, вернувшись домой без кавалера, Виолетта не выглядела расстроенной. Возможно, она ожидала, что щедрый господин заглянет к ней вечером на чашку чая? Очень может быть, ведь роскошное платье было куплено не просто так. Эх, не вовремя на тетушку Видонку напала охота варить черешневое варенье.

Но дальнейшие вопросы пришлось отложить. Потерявшая терпение хозяйка настойчиво теснила незваную гостью к двери до тех пор, пока та не оказалась за порогом. Как только это произошло, дверь перед ее носом захлопнулась. Стоя на крыльце, Анна почесала затылок, чувствуя себя на редкость глупо. Однако даже из этой ситуации она сумела извлечь нечто полезное: теперь она знала, что на входной двери – английский замок. Если хозяйка, уходя, захлопнула дверь, то Виолетте пришлось бы спуститься, чтобы впустить своего ночного гостя.

Тогда зачем кому-то понадобилось возиться с плоскогубцами, чтобы открыть запертую изнутри дверь в спальню Виолетты?

Анна не сразу догадалась о значении царапин на бороздке ключа, который по счастливой случайности видела дважды: в пятницу утром и сегодня вечером. Она могла бы поклясться, что в пятницу никаких царапин не было. Те, кто обнаружил тело Виолетты, попали в комнату беспрепятственно, то есть дверь к тому времени была открыта. Кем? И от кого легкомысленная Виолетта заперлась изнутри, зная, что хозяйки всю ночь не будет дома?

Допустим, женщину действительно прикончил случайный любовник. О возможном свидании говорила неполная бутылка шампанского на туалетном столике. Но куда подевались бокалы? Не из горла же они пили? И почему крем оказался открытым? Виолетта очень следила за лицом и на антивозрастную косметику денег не жалела. Тот крем, что заметила Анна, стоил запредельных денег и требовал специальных условий хранения. Открытым он не продержался бы и до утра, утратив все свои полезные свойства. Виолетта не могла об этом не знать. Да и вообще, зачем ей понадобилось открывать крем при любовнике? Или она воспользовалась им уже после его ухода? Но тогда кто же ее убил? С чего начали, тем и закончили – круг замкнулся.

Анна не заметила, как добралась до дверей городского морга. Мрачное заведение вытеснило из ее головы все посторонние мысли. Слегка волнуясь, она нажала на звонок.

Открыли ей не сразу. Молодой санитар в чистом, но мятом халате удивленно посмотрел на позднюю гостью, потом одобрительно улыбнулся.

– Вы ко мне? – спросил он с надеждой.

– Вряд ли, – вежливо откликнулась девушка. – Я принесла одежду для погибшей женщины, которую доставили к вам недавно.

– А, русская? – оживился парень. – Обожаю Россию. Может, заглянете на чашку кофе и расскажете мне о вашей стране?

– Боюсь, у меня нет на это времени. Да и место как-то не располагает.

– Да? – растерялся парень. – А я как-то привык. У вас с этим проблемы?

– Никаких проблем, – заверила Анна, во второй раз протягивая санитару пакет с вещами.

– Смелая, значит? – прищурился парень.

– Ага.

– Ну, тогда сама неси свои шмотки патологоанатому. Вторая дверь налево. Он посторонился, пропуская девушку внутрь.

Анна устала, перенервничала и страшно не хотела заходить в морг, но уверенно перешагнула порог и, не оглядываясь, вошла в мрачный вестибюль с глухими дверьми, полный гулкового эха. Парень насмешливо смотрел ей вслед, жалея, что ему никогда не удастся закадрить по настоящему крутую телку.

Глава 5

Анна оценила шутку санитаря по достоинству, едва открыв нужную дверь. Вместо мирной канцелярии, где она рассчитывала оставить манатки Виолетты, девушка угодила прямо в прозекторскую, да еще в тот самый момент, когда патологоанатом проводил вскрытие.

– Здравствуйте, – несмотря на старание, голос ее дрогнул. От ужасного зрелища и характерной трупной вони закружилась голова, так что пришлось вцепиться побелевшими пальцами в притолоку.

– Хеллоу! – откликнулся мужчина лет сорока с узким лысым черепом, высоко торчащим между оттопыренными ушами, нагнувшийся над столом. Он оторвался от своего занятия, приподнялся и с интересом уставился на вошедшую. На металлической каталке перед ним лежало то, на что Анна предпочла бы никогда не смотреть, но еще хуже был кровавый ошметок человеческой плоти, который врач держал в руке.

– Кажется, меня сейчас стошнит, – сообщила Анна в пространство, потихоньку пятясь назад в коридор.

– Эй, мадемуазель, вы что-то хотели? – крикнул ей вдогонку доктор, делая шаг к двери.

– Домой и немедленно, – призналась Анна по-русски, уворачиваясь от преследующего ее доктора с окровавленными руками. Патологоанатом, обеспокоенный синеватой бледностью незнакомки, совсем позабыл о прихваченном в анатомичке фрагменте желудка и протянул вперед обе руки, чтобы вовремя подхватить нетвердо держащуюся на ногах незнакомку. Увидев прямо перед собой кусок чьих-то внутренностей, Анна тихонько охнула и рухнула на холодный кафельный пол.

* * *

– Ну-ну, все в порядке, все хорошо, – приговаривал незнакомый голос где-то вдалеке, как будто за закрытой дверью.

– Где я? – приподнимаясь на локтях, Анна повела вокруг мутным взором. Предметы качались вокруг нее, не желая принимать четкую форму, как будто она очутилась на дне давно нечищеного аквариума с тухлой водой. – Где я? – повторила она настойчиво.

– В морге, чего уж там, – сочувственно ответили ей.

– О, Господи!

– Ну, до этого, к счастью, еще не дошло, – успокоил ее тот же голос, и Анна все вспомнила.

Напугавший ее патологоанатом ласково сообщил, тактично меняя тему:

– Вещички, те, что вы принесли для покойницы, мы забрали, можете не беспокоиться.

Анна попыталась сфокусировать на нем взгляд и обнаружила, что без окровавленных резиновых перчаток доктор выглядел вполне безобидно. В смысле, почти не походил на людоеда, если не считать дурацкой привычки неприятно ворочать длинной шеей, смахивающей на индюшачью.

– Я пойду? – неуверенно спросила девушка, будто боясь, что ей откажут.

Доктор кивнул. Анна начала потихоньку сползать с застеленной чистой белой простыней кушетки, когда врач вдруг предложил:

– На подругу взглянуть не желаете?

Анна округлила глаза:

– Думаете, стоит?

В конце концов, Виолетта даже не была ее подругой. Того, что Анна пережила по ее милости, и так уже более чем достаточно.

Доктор замялся:

– Ну, вам решать. Хотя, скажу вам как специалист, случай совершенно уникальный!

– Я ведь в этом ничего не смыслю, – призналась Анна. – Я не медик. Так что...

– Но ведь вам интересно знать, кто убил вашу подругу?

– А вы знаете? – встrepенулась Анна, которая после обморока еще туго соображала.

Врач смутился.

– Не то, чтобы наверняка, – замямлил он. – Но общая картина... специфический характер повреждений кожных покровов... содержимое...

– Ладно, показывайте! – Анна поспешила прервать поток его красноречия, пока он еще что-нибудь не рассказал.

Доктор поправил очки, резко дернул шеей, будто глотнув горячего супа, и широко повел рукой:

– Прошу.

Анна с опаской взглянула в ту сторону. В центре большого помещения с белыми кафельными стенами, под двумя тусклыми от пыли висячими лампами, стоял металлический стол, аккуратно накрытый простыней, свисающей до самого пола, под которой угадывались очертания человеческого тела – все, что осталось от глупой Виолетты. Впрочем, Анне и сейчас трудно было представить женщину мертвой.

Она заставила себя встать и подойти к столу. Доктор плелся следом, шаркая по полу одноразовыми бахилами.

– Пойдите! – хрипло взмолилась девушка, когда он взялся за край простыни. Она несколько раз глубоко вздохнула. – Теперь можно.

Накрахмаленная ткань послушно взлетела и опала, целомудренно прикрыв выпотрошенный живот голой Виолетты. Анна увидела только ее торс с неестественно бледными грудями, давно потерявшими форму. Врач не солгал, тело выглядело ужасно.

– Может, достаточно? – сочувственно спросил он.

– Нет.

– Ну, нет так нет. Вы любуйтесь, а я пока чайку себе заварю. Кстати, не желаете?

– Нет.

Патологоанатом не стал настаивать, отошел к дальней стене и деловито загремел чашками. Это немного привели Анну в чувство.

Виолетту было трудно узнать. Особенно ужасно выглядела шея. Кожу, похожую на тонкую пергаментную бумагу, покрывали ровные порезы. Их было так много, что в некоторых местах кожа отслаивалась ленточками. Раны не казались настолько глубокими, чтобы убить женщину. Казалось, она побывала в руках садиста, стремящегося не столько убить, сколько причинить как можно большие мучения. Похоже, Виолетта еще при жизни пережила настоящий ад, которому в подметки не годилось чистилище.

– Бедняга! – прошептала девушка.

– Ей не позавидуешь, – подтвердил доктор, незаметно подкравшийся со спины. – А ведь могла бы прожить еще лет двадцать. Здоровая, как лошадь, хоть и старая.

Анна протянула руку и провела пальцем над одним из порезов:

– Чем это ее?

– Сам голову ломаю, – признался врач. – На обычный нож не похоже. И не скальпель. – Он шумно отхлебнул из чашки. – Но что-то длинное и очень острое.

– Что, если не нож?

Врач пожал плечами:

– Говорил же – уникальный случай. – Видите, как расположены порезы? Они идут параллельно, три-четыре в ряд.

– Действительно! Думаете, это могло сделать животное? Очень уж похоже на следы когтей.

– Нет, это вряд ли. Видите, какое большое расстояние? Это какая же должна быть лапа? Даже у тигра, наверное, меньше. И потом, как вы себе представляете тигра, разгуливающего по центру города?

– Совсем не представляю, – призналась Анна. – Его бы обязательно заметили.

Врач как-то неопределенно хмыкнул и пробормотал:

– Фантастика. Хотя... Я как-то читал книгу о преступниках прошлого – чисто в познавательных целях – так вот там говорилось об оружии, которым пользовались уличные гангстеры: обыкновенный сырой картофель, можете себе представить?

– Разве картофелиной можно убить?

– Можно, если утыкать ее лезвиями. Такими штуками пользовались не только в уличных драках, но и на расстоянии: попросту швыряли нашпигованную картошку в жертву.

– На расстоянии... – задумчиво проговорила Анна, вспомнив распахнутые настежь окна в комнате Виолетты. – А полицейские что-нибудь нашли?

– Кажется, нет, – разочарованно признался любитель исторической хроники.

– Жаль, – Анна снова посмотрела на неподвижное лицо трупа, будто надеясь, что эти мертвые губы подскажут ей ответ. Но лицо оставалось холодным и незнакомым.

Вот именно – НЕЗНАКОМЫМ! Конечно, смерть меняет человека, но не настолько же! Анна с опозданием поняла, что впервые видит Виолетту не накрашенной. В таком виде женщина выглядела простоватой и безмерно усталой.

– Ее не умывали? – уточнила девушка.

– Нет, – удивился врач.

Значит, версия со свиданием отменяется. Ну, не могла Виолетта предстать перед любовником в таком виде! Анна заставила себя нагнуться поближе, разглядывая странно лоснящиеся щеки. Доктор, проследив за ее взглядом, пояснил:

– Ночной крем. Кстати, дорогой.

Вот оно что! Виолетта не только умылась, но и нанесла на кожу питательную маску. Из той самой баночки! Значит, единственное, что она собиралась сделать тем вечером – спокойно лечь спать. Но ей помешали. Кто? И каким образом?

Если бы не открытая баночка с кремом, Анна решила бы, что на Виолетту напали уже после того, как она заснула в собственной постели. Об этом говорили и манипуляции с ключом, который кто-то пытался повернуть снаружи, используя плоскогубцы. Но, ложась спать, женщина обязательно закрыла бы дорогой крем, а она этого не сделала. Картинка никак не желала складываться в единое целое, из нее выпадала то одна, то другая деталь.

– Она умерла от потери крови? – спросила Анна, имея в виду, что ни одна из ран не была смертельной.

– Или от несварения, – буркнул патологоанатом в свою чашку, обиженный, что красивая незнакомка интересуется исключительно трупом и совсем не замечает его.

Анна удивленно взглянула на доктора:

– Вы о чем?

В ответ из-за края чашки выглянул один красный глаз.

– Вот об этом. – Доктор поставил чашку рядом с окоченевшей рукой трупа и достал что-то пинцетом из стеклянной кюветы.

Теперь настал черед Анны судорожно сглотнуть при виде знакомых очертаний хищно изогнутого человеческого клыка, который выглядел еще более отвратительно, чем прежде.

– Где вы это нашли?

– Там, где меньше всего ожидали – в желудке. Вы не знаете, зачем ваша подруга проглотила эту дрянь?

– Проглотила?!

– Вот именно.

– Не может быть, – пробормотала Анна, растерянно ища глазами свою сумку. Обнаружив потерю возле кушетки, она бросилась к ней, но, добежав, вдруг побоялась прикоснуться. Девушке понадобилось не меньше минуты, чтобы решиться открыть свою собственную сумочку и извлечь из нее злоеший сувенир, прихваченный в комнате Виолетты, а потом открыть его и убедиться: внутри ничего не было, Виолетта действительно съела артефакт, и Анна не могла себе даже представить причину, по которой женщина могла это сделать.

Ей бы найти что-нибудь конкретное, а то пока в ее голове роятся сплошные теории, да еще притянутые за уши. Все ее версии слишком хлипкие, но как она могла бы их укрепить? Единственное, что ей оставалось, это вернуться в дом Виолетты и задать кое-кому несколько не самых приятных вопросов.

Шагая по дорожке через больничное кладбище, чтобы срезать путь, Анна, не замечая того, держала руку с сумочкой на отлете, подсознательно помня о том, что находилось внутри нее. После того, как девушка едва не хлопнулась в обморок повторно при виде зуба, врач признался ей, что пошутил. Конечно, клык не имел никакого отношения к смерти потерпевшей. Желая загладить свою вину, он отдал странную находку Анне, так как она не представляла никакого интереса для следствия. Мало ли что глотают пациенты, за годы практики врач и не такое видал.

Уже давно рассвело, но густой туман не спешил рассеиваться. Рваные клочья плавали среди могил, как обрывки грязной ваты. Анна благополучно добралась до автобусной остановки. Когда автобус тронулся с места, девушка, стоя у заднего стекла, заметила мужчин, выходящих с территории кладбища. Один из них сгибался под тяжестью объемных контейнеров, но второй-неприятный тип чудовищных габаритов-даже не думал ему помогать. Толстяк был одет в дорогой костюм, но одежда выглядела мятой и неопрятной. Третий мужичок семенил сзади, держа в руках замотанные в брезент лопаты. Все трое загрузились в машину скорой помощи, но перед этим толстяк бросил взгляд на отъезжающий автобус. На секунду Анне показалось, что их глаза встретились, хотя она была уверена, что разглядеть ее за мутным от пыли стеклом совершенно невозможно. Толстяк сморгнул, потом его мясистые влажные веки опустились, скрывая взгляд. Только после этого она вздохнула с облегчением.

Глава 6

Припаркованный у ворот коттеджа белый фургон в первую секунду заставил Анну вздрогнуть, но испугаться по-настоящему она не успела-на борту красовалась совсем другая картинка, ничем не напоминающая красный крест. Возле машины парень в спецовке, бурно жестикулируя, доказывал что-то хозяйке дома. Оба были так увлечены спором, что не заметили, как девушка тихонько проскользнула в калитку, бегом пересекла зеленый газон и юркнула в дверь, по счастливой случайности оказавшуюся незапертой. Не задерживаясь в холле, она взлетела на второй этаж и замерла возле двери в комнату Виолетты, удивленно разглядывая пустую замочную скважину.

Ключ исчез.

Девушка внимательно огляделась. Утреннее солнце, проходящее через цветные стекла веерообразного окна в конце коридора, цветной радугой окрашивало выскобленные деревянные половицы. На полу ничего не было. Она оглядела полочки вдоль стены, заставленные безделушками, заглянула в комнату и обследовала все поверхности-безрезультатно. Комната выглядела совсем иначе, чем несколько часов назад. Никаких следов кровавой бойни. Уборщики постарались на славу. Даже постель была застелена свежим бельем. Только в воздухе еще витал чуть заметный, сладковатый запах крови, перебивающий ароматы лаванды и хвои.

Но где же все-таки этот проклятый ключ?

Если его не выронили и не забыли-а в этом случае он давно попался бы ей на глаза, – то оставалось всего два варианта: либо хозяйка случайно забрала его с собой, либо...

Одобрительно хмыкнув, Анна быстро сбежала вниз по ступенькам. Немного постояв в уютном холле и поглазев на ряд одинаковых закрытых дверей, она уверенно направилась к самой дальней из них и не ошиблась.

Спальня хозяйки оказалась на удивление тесной. Два шага до окна, еще три-до старомодной кровати с металлическими шишечками на спинке и столько же до противоположной стены, которую всю целиком занимал допотопный комод со множеством ящичков.

На самом верху комода громоздились две расписные фарфоровые вазы. Идея запихнуть такую красоту под потолок показалась Анне абсурдной, и она решила начать поиски с этих ваз. Ей пришлось влезть на шаткую табуретку, чтобы дотянуться до старушкиного сокровища. Она изрядно намучилась, но выяснилось, что старалась зря.

Раньше, должно быть, вазы стояли на видном месте, но, начав пускать жильцов, хозяйка припрятала их от греха подальше. Первая из них служила роскошным саркофагом для двух дохлых мух, зато вторая оказалась забита по самое горлышко. Здесь обнаружили несколько прищепок, дешевая заколка, несколько медных монет, скомканный фантик, наперсток и пачка оплаченных счетов двухлетней давности. Но никакого ключа здесь не было.

Анна озадаченно огляделась, немного повывдвигала ящички комода, но скоро запуталась и бросила это занятие. Девушка чувствовала неловкость, копаясь в нехитрых пожитках одинокой старухи и только желание развеять свои подозрения заставляли ее преодолеть собственную брезгливость. К большому сожалению, ключ был достаточно мал для того, чтобы оказаться где угодно. Даже в этой камерке имелась сотня мест, чтобы его спрятать, а в том, что ключ именно спрятали, она уже не сомневалась.

Как всегда, обычный человеческий подход ничего не дал, и Анна слегка напрягла свою интуицию. Дело сразу пошло на лад. Минуту спустя девушка уверенно шагнула к кровати и сунула руку под подушку.

– Как вы вошли?! – прогремело от порога.

Анну ничуть не испугал грозный тон. Ключ, зажаты в кулаке, она спрятала за спину и сообщила хозяйке с улыбкой:

– Дверь была не заперта.

Та ответила ей взглядом хорошо пожившей черепахи. Что-то из того, что она увидела, заставило ее сбавить тон:

– Что вам понадобилось в моей комнате? – Спросила она почти спокойно и добавила без особой уверенности: – Я вызову полицию.

– Не возражаю, – еще шире улыбнулась Анна. – У меня как раз есть, что им показать.

– Вы о чем?

– Вот об этом! – Анна протянула ключ на раскрытой ладони. Тот самый ключ со свежими царапинами на бородке.

Старушка была уже не в том возрасте, чтобы как следует держать удар. Она заметно побледнела. Ее губы совсем истончились, пухлые щеки опали. Сухая, шершавая кожа, свойственная старым девам, приобрела неприятный серый цвет.

– Зачем вам понадобилось красть у меня ключ? – Неуверенно изобразила она удивление.

– Затем же, зачем вам понадобилось его прятать.

– Да что вы себе напридумывали?

– Ничего. А вот вы кое-что присочинили.

– Я не сказала ни слова лжи! – старушка воинственно потрянула двойным подбородком и приосанилась.

– Верно, – кивнула Анна. – Но кое о чем умолчали.

– Да кто вы такая?! – придя в себя, тетушка Видонка с опозданием вспомнила, что находится на своей территории. – Влезли в мой дом, хуже того – в мою спальню! Несете какой-то бред и суете мне в нос мою же собственность. Все! Я звоню в полицию или, еще лучше – в миграционную службу. Вас выставят из страны в двадцать четыре часа, и вы никогда – слышите?! – никогда больше не пересечете границ моей страны! Это же бог знает что такое! Деваться некуда от этих русских.

Прежде чем выйти из себя, Анна всегда считала необходимым сосчитать до десяти. Правда, частенько от этих манипуляций давление лишь нарастало, и последующий взрыв причинял гораздо больший ущерб. В этот раз она дошла до пяти, когда тетушка Видонка вдруг взвизгнула:

– Матка Боска, спаси и сохрани!

– Что еще? – Анна удивленно взглянула на неистово крестящуюся, ставшую как будто меньше ростом, старушку. Та икнула:

– Глаза! Ваши глаза! Они светятся! Сгинь! Изыди!

– Так уж сразу и изыди, – обиженно пробормотала девушка, косясь в зеркало и пытаясь экстренно притушить горящий взгляд. – Да все, все уже! Вам показалось. Открывайте глаза и убедитесь сами.

Анна протянула руку, но тетушка Видонка, почувствовав прикосновение, резво отпрыгнула и вжалась в стену.

– Я все скажу! – пообещала она, часто кивая головой. – Все, что хочешь, только сгинь, пожалуйста.

– Да без проблем. – Пожала плечами Анна. – Сгину, когда вы мне все расскажете. Только поскорее, а то спать хочется – сил нет.

Старушка приоткрыла один глаз и с любопытством глянула на странную гостью.

– Я сразу догадалась, что вы оттуда! – она ткнула пальцем в потолок.

– Вы уж определитесь: оттуда – Анна показала наверх. – Или отсюда. – Палец опустился вниз. Старушка снова зажмурилась и перекрестилась. – Ладно, с этим после. – Девушка вздохнула. – Вернемся к нашим баранам. Во-первых – ключ. Откуда эти царапины? Это ведь ваших рук дело? – Тетушка Видонка соображала быстро и заколебалась, прикидывая про себя, не

свалить ли вину на неизвестного злоумышленника, но соврать все-таки не решилась и робко кивнула.

– Отлично. Чем вы это сделали?

– Плоскогубцами. Я услышала крик из комнаты наверху. Это был ужасный крик. Потом стало тихо. Я подождала немного и стала подниматься по лестнице. Дверь была заперта изнутри. Я долго слушала. Ни единого звука! Я позвала ее по имени. Сначала тихо. Потом – громче. Она не ответила. Что я должна была делать?

– Вызвать полицию, – подсказала Анна.

– Но я должна была знать, что произошло! А после того, как я это узнала, мне совсем не захотелось встречаться с полицией. Вдруг они решили бы, что это я? Тем более, что я действительно повернула ключ снаружи, зажав самый кончик плоскогубцами. Жалко, что царапины заметила не сразу, глаза уже не те.

– Об этом после. Зачем вы вообще вернулись в дом? Что-то забыли?

– Стальную петельку.

– Что?

– Стальную петельку. Чтобы вытаскивать косточки из черешни. Никто не любит варенье с косточками. И я не люблю. У Терезы, конечно, есть своя петелька. Но она только одна.

– Хорошо, хорошо, вы пришли за петелькой, вошли в дом и слышали крик. Через какое время вы вернулись от Теречиков?

– Часа через полтора. Сначала мы попили чай с Терезой. Немного поболтали, потом вымыли ягоды, и только тут обнаружилось, что я забыла петельку. А без петельки...

– Я поняла! – перебила Анна, не в силах больше слышать про петельку. – Открыв дверь, вы увидели...

– Это был ужас! У меня закружилась голова от ужасного запаха, а уж когда я ее увидела...

– Виолетта лежала на кровати?

– Нет, на полу.

– Вы не подумали о том, чтобы вызвать врача?

Хозяйка впервые взглянула на девушку с превосходством:

– Милая моя! Врач ей был уже не нужен. Я достаточно пожила, чтобы суметь отличить живого от мертвого. Вокруг везде была кровь. Море крови! И под ней натекла целая лужа... – старушка судорожно вздохнула и мелко затряслась.

Анна выглядела растерянной. Если старуха не врет, – а она не осмелилась бы соврать, – то, получается, что, когда она вошла, преступник еще был в доме, в комнате Виолетты и продолжал терзать свою жертву.

– Вы никого не видели? – уточнила она.

– Мимо меня никто не проходил, – заверила старушка. – Услышав крик, я спряталась под лестницей. Оттуда хорошо видно входную дверь и я могу поклясться, что никто не выходил из дома. Эта женщина крикнула при мне только один раз. Потом сразу наступила тишина. Странно, что даже шагов я не слышала, а ведь в той комнате две половицы – на самом ходу – постоянно скрипели. Кошка прошмыгнет – и то слышно. Как же он удрал?

– Вот и я об этом думаю. Из окна слишком рискованно, потолки у вас очень высокие. Через дверь – исключается. Может, есть черный ход?

– Есть, как не быть. Только, чтобы к нему попасть, все равно нужно пройти через холл, а я, повторяю, никого не видела.

– Значит, все-таки, окно, – задумчиво проговорила Анна.

– Теперь вы уйдете?

– Что? Да, разумеется.

Анна положила ключ на край комода и, не оглядываясь, пошла к выходу. Этот разговор вместо ответов принес еще больше загадок. Похоже, девушка переоценила свои детективные возможности, тайна смерти Виолетты оказалась ей не по зубам.

Когда Аня наконец-то добралась до дома, часы показывали половину девятого. Несмотря на бессонную ночь, она чувствовала себя почти сносно, должно быть, открылось второе дыхание.

Маленький соня все еще спал. Девушка подхватила проскользнувшего в приоткрытую дверь Каспера, который немедленно повис у нее на руке, как перехваченный посередине пузырь с водой, что должно было означать протест против чересчур фамильярного обращения.

Однако, в кухне кот подобрел и даже пару раз утробно проурчал нечто одобрительное. Анна спустила его на пол, открыла холодильник и потянулась за вареной печенкой для Каспера, когда в спальне раздался громкий отчаянный крик. Уронив печенку на пол, Аня бросилась в комнату.

Вздохмаченный спросонок Ник, скорчившись, сидел в углу постели и тарашился на свою подушку. Он беззвучно открывал и закрывал рот, вцепившись пальцами в одеяло, как будто собирался укрыться им с головой. Анна давно уже не видела мальчика таким испуганным и немедленно ударилась в панику.

Бухнувшись на колени возле кровати, она принялась тормозить ребенка, заметив, что все его мышцы будто одеревенели.

– Что случилось? Что? – повторяла она, но малыш только мычал и дико вращал глазами. Анне с трудом удалось проследить за его блуждающим взглядом. По всему выходило, что Ника напугала подушка. Ане совсем поплохело.

– Да что же это такое? – взмолилась она. – Кто тебя так напугал, детка?

Звук ее голоса немного привел Ника в чувство, по крайней мере, он уже значительно отличался цветом от простыни и даже попытался выкарабкаться из душивших его объятий.

– Я не детка! – возмутился он.

Анна нервно хихикнула:

– Конечно, нет! Я оговорилась. Ты уже совсем большой. Мужчина.

Большой мужчина одиннадцати лет покосился на ее подозрительно честное лицо, но не заметил подвоха и позволил себе немного расслабиться, признавшись смущенно:

– Я испугался.

– Это бывает, – кивнула Анна. – Страх – это не стыдно.

– Герои не боятся.

– Они тоже боятся. Просто они умеют преодолевать свой страх. Это придет не сразу. Но ты скоро научишься.

– Мне в ухо заполз паук, – совсем тихо прошептал мальчик и снова содрогнулся от отвращения.

– Понимаю! Ужасно противно. Я бы тоже закричала.

– Правда?

– Конечно, правда. Ненавижу пауков, хотя они совершенно безобидные. Сейчас мы его найдем.

Не выпуская сына, Аня приподнялась и внимательно оглядела постель.

– Пока что-то не видно. Может, убежал?

В этот момент из складок скомканной простыни высунулись длинные черные лапки. Две, еще две...

Анна не стала ждать, пока паук выберется целиком, и смахнула его на пол. Насекомое немедленно обратилось в бегство, но Аня безжалостно раздавила его тапком.

– И делов-то, – преувеличенно бодро сообщила она, брезгливо стирая с подошвы месиво, в котором еще подергивались волосатые конечности.

Но Ник все еще не выглядел счастливым.

– Ты его убила, – огорченно прошептал он.

– А что, не надо было? – озадаченно уставилась на него девушка.

– Ну, он же не нарочно меня напугал, – не слишком уверенно признался Ник. – Может, нужно было его просто в окошко выкинуть?

Как всегда! Ник жалел все живое, даже то, что его пугало. Он вообще был на редкость беззлым ребенком. Честно говоря, Анна впервые видела, чтобы какая-то букашка так сильно напугала ее мальчика. Летом он горстями таскал в дом всякую живность, и Анна волей-неволей научилась храбро брать в руки жуков и гусениц.

– Значит, так! – строго сказала она. – Давай договоримся, что никто не имеет права залезать в наш дом без приглашения. Паучка никто не приглашал, верно?

Ник кивнул.

– Выходит, он получил по заслугам. А сейчас выброси все это из головы. Бегом в ванную и за стол. Будем завтракать.

– А потом тебе снова на работу, – уныло продолжил Ник.

– Нет! Мы идем кутить! На весь день, пока не свалимся от усталости!

– Ура! – Вопль донесся уже из коридора, что означало, что Ник немедленно приступил к выполнению программы.

* * *

Ресторанный зал оказался забит битком, но им с Ником повезло – они заняли только что освободившийся столик у самого окна. Оба чувствовали себя довольными и заговорщически переглядывались.

Анна сдержала слово: они побывали в королевском замке, любовались медными всадниками и свирепыми каменными львами, разглядывали сказочные витражи огромного католического храма до тех пор, пока не заболели шеи, потолкались на блошином рынке и накупили кучу всякой ерунды. Словом, прекрасно провели время и страшно проголодались. «Гулять так гулять», – сказала Аня и они решили поужинать в шикарном месте, которое, как нельзя кстати, находилось в двух шагах от их съемной квартиры.

В ресторане был аншлаг. Между столиками сновали официанты, неуловимые, как домовые. Отовсюду слышались стук, звон, выстрелы пробок, звяканье крышек, которыми накрывали горячее, женский смех. На маленькой сцене наявничал оркестр.

Ник активно вертел головой по сторонам, ему все было интересно. Утреннее происшествие теперь казалось совсем нестрашным, и мальчик даже стеснялся своей слабости, а Анна наконец-то перестала чувствовать себя виноватой из-за того, что надолго оставляла сына одного. Она твердо пообещала себе, что потребует у начальства сокращения эфиров. В конце концов, всех денег не заработаешь.

Когда принесли заказ, веселье продолжилось. Они пробовали еду с тарелок друг друга и бурно обменивались впечатлениями. Заказывать пришлось наугад – названия блюд ничего им не говорили. В результате перед Анной оказалась кривоватая тощая лепешка самого непрезентабельного вида, покрытая густыми запеченными сливками, под которыми угадывались ломтики бекона, лука и еще чего-то неопознанного, относящегося к ноу-хау шеф-повара. Однако на вкус эта пародия на пиццу оставляла рыдать в коридоре шедевры мировой кулинарии.

Нику и вовсе досталась тушеная капуста, но с таким количеством всевозможных ветчин и колбас, что сама по себе капуста едва угадывалась. На вид шукрут – так называлось блюдо – выглядел еще хуже Аниной «пиццы», но Анна заметила, что за соседним столиком над точно такой же миской с энтузиазмом трудилась эфирная с виду леди в кружевах и фамильных брильянтах.

Налившись апельсиновым фрешем по самые уши, Ник, немного смущаясь, потрусил в сторону туалета. Анна заплатила по счету. Официант уже возвращал ей кредитную карточку, когда огромное окно ресторана внезапно осветили яркие фары только что подъехавшей машины. Девушка, ослепленная светом, на секунду зажмурилась и вдруг почувствовала укол в сердце – странное предчувствие, будто вот-вот случится что-то плохое. Повинуясь скорее инстинкту, чем желанию, она обернулась и, не обращая внимания на официанта, уставилась на входную дверь.

Анна вся подобралась, как дикая кошка в засаде, но вид посетителей в первую секунду ее разочаровал: обыкновенный старик далеко за семьдесят и молодой верзила, то ли сын, то ли телохранитель. Она остановилась на втором варианте, когда смогла рассмотреть его получше. Огромный рост, полная невозмутимость и при этом – безукоризненная предупредительность, все это говорило о том, что человек на работе. Покрытое шрамами лицо не выражало никаких эмоций, зато черные глаза полыхали, словно все грехи ангелов. Почувствовав Анин взгляд, он плеснул в ее сторону раскаленной лавой и девушка, словно обжегшись, поспешно отвернулась.

Минуту спустя за ее спиной деликатно заскрипели стулья – парочка усаживалась за соседний столик. Между лопатками слегка покалывало, это означало, что ее безупречно прямая спина стала объектом пристального интереса новых соседей.

Стараясь выглядеть непосредственно, Анна слегка передвинула свой стул, так что теперь она могла видеть соседний столик, не поворачивая головы.

Спина верзилы заслоняла обзор, но не настолько, чтобы Анна не смогла рассмотреть его хозяина, сидящего прямо напротив. Почему эти люди вызывали у нее такой болезненный интерес, она и сама не знала, но продолжала наблюдать, время от времени бросая тревожные взгляды в глубину зала, откуда вот-вот должен был показаться Ник.

На первый взгляд старичок выглядел весьма почтенно, подчеркнута добродушный и благообразный, дорого и со вкусом одетый, несмотря на преклонные года. Так бывают добродушны и порядочны очень богатые люди, которым уже не нужно что-то кому-то доказывать. Все так. Если бы не глаза...

Глаза ошеломляюще желтого, звериного цвета. Глубоко посаженные, гипнотические глаза человека с неподвижным, мертво застывшим взглядом. Из-за этого респектабельность старика напомнила Анне клетку, сквозь прутья которой проглядывал смертельно опасный хищник.

Девушка зазевалась, и их взгляды встретились. Анна тут же спряталась за густыми ресницами. Ей захотелось немедленно уйти, но Ники, как назло, застрял где-то в районе туалета.

Теперь она старательно сверлила глазами вазочку на столе, но движение напротив заставило ее поднять глаза. Ее сердце замерло. Проклятая парочка теперь удобно расположилась на ее столе.

Собираясь возмутиться, Аня нервно дернула рукой и опрокинула кофейную чашку. Это была маленькая чашка, и в ней оставалось кофе на доньшке, но она звякнула о блюде так громко, что с соседних столиков обернулись.

– Вы позволите заказать вам кофе? – любезно спросил желтоглазый, и Анна обнаружила, что он говорит, не шевеля губами.

– Спасибо, не надо. Я уже ухожу, – как можно спокойнее ответила Анна, стараясь не смотреть на материализовавшегося, будто из воздуха, официанта, который успел сменить на столе испачканную скатерть и теперь готовился принять заказ.

– Два кофе и пирожные, – приказал старик, прикинувшись глухим на оба уха.

Вот ведь трюфель! У Анны руки чесались засветить ему в личность блюдцем с этими самыми пирожными, да воспитание не позволило. Пришлось сидеть – овца овцой – и уважать старших, заодно пытаясь определить, кто перед ней – гипнотизер, сатир или бесноватый?

На столе вместе с кофе и сладостями появился запотевший графин с коньяком. Ее рюмку, не спрашивая, наполнили до краев. Анна не пошевелилась и тогда желтоглазый вдруг быстро нагнулся вперед, прошептал:

– Ты чего это не пьешь? Ты пей, деточка. Не хочешь? Ишь, какая... Не пьешь, когда я тебя уговариваю. – И он быстрым, привычным движением тихонько коснулся плеча девушки скрюченным пальцем. По напряженному выражению его лица изумленная Аня поняла, что он знает, что делает.

В ту же секунду старик передернулся в судороге, тихо застонал и отвернулся, быстро и сердито. Он не притворялся, даже пытался скрыть и судорогу, и свой невольный стон.

Дело дрянь, подумала Анна. Как никто другой она понимала то, что сейчас произошло. Старик коснулся ее не просто так, а, пытаясь воздействовать на нее своей силой, заставить подчиниться его воле. Не на ту напал. Не проникнув в девушку, сила метнулась обратно и ударила в своего хозяина. Это больно, действительно больно, особенно, если получить отпор неожиданно, так что старику здорово досталось и он, несомненно, был очень зол. Но Анну пугало не это. Кто бы он ни был и, какую бы цель не преследовал, теперь он в курсе, что перед ним достойный противник. Тот, кто сильнее его. Пока сильнее. Ей ли не знать, как легко может измениться расклад, если дело касается магии.

Бежать – вот, что сейчас необходимо. Там, вдалеке от этой странной парочки, она разберется, что это за фрукт и с чем его едят.

Анна покосилась на верзилу, полностью перегоревшему проход. Слева – стеклянная стена, справа – баобаб в черной коже, ни пройти, ни проехать. Разве что проползти под столом, но для этого Анна была еще недостаточно напугана. От баобаба исходил ровный жар, как от доменной печи. Справедливости ради стоит заметить, что он даже не смотрел в ее сторону, и в упор не видел того, что вытворял его патрон, но при этом умудрялся источать какую-то дьявольскую сексуальность – вот уж не к месту такие мысли! – причем в мегаваттном диапазоне.

Баобаб медленно повернул голову. От одного его взгляда в воздухе захлопали черные крылья.

– Можете звать его Ласло, – тут же предложил желтоглазый, откровенно забавляясь. – Его все так зовут, по крайней мере, те, кто ему нравится. А с теми, кто не нравится, он и вовсе не разговаривает.

Анна нервно дернула головой, что могло означать все, что угодно, но в данном случае означало страх. Она как раз всерьез подумывала о том, чтобы устроить дебош с применением блюда с пирожными в качестве метательного оружия, но тут к столику подлетел Ник и пирожным нашлось другое применение. Не разобравшись, что к чему, Ник с радостным воплем ухватил эклер, запихнул его в рот и только потом спросил:

– Можно?

– Конечно, – как-то суетливо ответил старик, опередив Анну.

– Мам, а кто это? – спросил ребенок с набитым ртом.

– Друзья, малыш, друзья, – соврал желтоглазый самозванец. – А что ты больше всего любишь, дорогой? Мороженое или фрукты со сливками?

Ник вдохновенно открыл рот, однако, покосившись на мать, стушевался и солидно пояснил:

– Вообще-то мы уже поужинали... – Он вздохнул и неуверенно продолжил: – Разве что немного мороженого? Можно, мам?

– Конечно, можно! Отличный выбор! – одобрил старец, в очередной раз оставив Анну сидеть с открытым ртом. – Ласло, поторопи!

Великан бесшумно снялся с места.

Путь был свободен, но Ник уже плюхнулся на свой стул, и выдергивать его из-за стола она побоялась. Мальчик не должен понять, что происходит что-то опасное. Пока преимущество на ее стороне и, может быть, она еще сумеет выиграть партию.

Минут через десять она окончательно запуталась. Желтоглазый больше решительно не походил на злодея. Всего лишь благожелательный, улыбочивый джентльмен с отменными манерами, явно умеющий располагать к себе людей. Казалось, он знал обо всем на свете, любое слово служило ему поводом для увлекательной истории. Том Круз, Роналдиньо, Стивен Спилберг – самые известные персонажи возникали в его речи ненавязчиво и к месту: с одними он играл в теннис, с другими ужинал, третий как-то перепродал ему винный погреб своего дядюшки. Чувствовалось, что он не пытается пустить пыль в глаза, все, что он говорил – чистая правда.

У Ника горели глаза от восторга, даже Анна немного расслабилась, настолько, что очередное замечание собеседника застало ее врасплох:

– А что за колечко у тебя на пальце? Что за камешек?

Анна машинально сжала руку в кулак, испытывая непреодолимое желание прикрыть большой изумруд салфеткой.

– Вижу, вижу! Это очень ценная вещь. Даже уникальная.

«А то я не в курсе», – подумала Аня, продолжая вежливо улыбаться, но, не говоря ни слова в надежде на то, что старик заметит неуместность своего интереса и сменит тему.

Куда там!

– Позвольте старику полюбоваться на такую-то красоту.

Глянув в круглые глаза сына, Анна послушно сняла кольцо и протянула через стол. Старец остался недоволен:

– Зачем сняла-то? Я бы и так... Не понимаешь ты...

Однако он ошибался. Анна как раз отлично понимала, как девушка умная, а по возрасту так и не вполне уже девушка. Оттого и колечко сняла...

Старик рассмотрел перстенок со всех сторон, даже подышал на него, и нехотя вернул хозяйке, сам на палец надел, не удалось Ане отвертеться. И снова, как в первый раз, его плющило и тарщило во все стороны, но старик оказался крепок не по годам.

– Не хотите продать? – спросил он в лоб, когда отдышался. – Скажем, тысяч за триста-пятьсот долларов?

Анна вскинула брови. Нет, цена, заявленная стариком, ее не удивила, скорее, удивила точность, с которой он ее определил. Для самой Анны изумрудный перстень был бесценным, и потому она ответила коротко:

– Нет!

– Я почему-то так и подумал, – кивнул старик, ничуть не обидевшись. Наоборот, он выглядел удовлетворенным. – Вот когда ты придешь ко мне, я тебе многое расскажу, чего ты и не знаешь, – загадочно пообещал он.

– Да ведь я не приду, – ответила циничная и бесчувственная Анна.

– Придешь. Ты ко мне придешь.

– Нам пора. – Решительно поднялась Анна.

Ник вскочил следом. Старик кивнул.

– Был рад знакомству! – В тоне, которым старик произнес эту банальную фразу, Ане послышался скрытый смысл, но старик выглядел вполне искренним и на редкость безобидным, так что ей пришлось заставить себя улыбнуться.

На этот раз никто не пытался помешать им уйти.

Уже на улице Ники спросил у нее:

– Ты ведь притворялась? Он тебе не понравился.

– Ну почему? Вполне милый старикан с причудами. Думаю, он подсел к нам просто от скуки.

– Я так не думаю, – неожиданно возразил мальчик и просительно заглянул ей в глаза: – Только обещай, что не станешь превращать его в жабу.

– С чего ты решил, что я это сделаю? – опешила девушка. – Это не в моих правилах.

– Я знаю. Но помнишь нашего соседа, Кочкина? Когда он скакал на корточках по травке и пучил глаза, это было прикольно. Но когда он попытался сожрать муху...

– Ник! – Анна предостерегающе подняла руку. Ник скорчил в ответ рожицу, изображая смирение, и она помимо воли улыбнулась и пояснила: – Кочкину только казалось, что он жаба. И потом, это было всего-то пару дней. Зато впредь он будет стараться выбирать выражения...

– Знаю, мам. Он зря на тебя накричал из-за парковки.

– Это ни при чем. Никто не может сказать, что я чересчур обидчивая!

Ник с готовностью подтвердил:

– Ну, конечно! Кому охота пузыри пускать...

– Ники!

– Молчу, молчу.

– Через два дня Кочкин поправился, – напомнила Анна.

– А я разве спорю? Поправился. И даже съехал в экологически чистую деревню, потому что с тех самых пор дядя Кочкин не в себе, пока не скупнется, а купается он теперь даже зимой, в проруби.

– Ну, в конце концов, водные процедуры еще никому не вредили.

Анне послышалось, что в зарослях барбариса кто-то хмыкнул и, хотя она никого не заметила, они с сыном прибавили шагу.

Ласло, поглядывая в зеркало заднего вида, удивился тому, что его хозяин, сев в машину, не включил, вопреки обыкновению, мини-телевизор. Вместо просмотра последних новостей босс задумчиво улыбался, глядя в окно. Это было так же странно, как если бы улыбнулся крокодил.

Ложась спать, Аня все еще продолжала думать о встрече в ресторане. Этот странный человек... Вроде бы он не совершил по отношению к ней ничего ужасного, наоборот, угостил превосходным десертом, развлекал байками, короче всячески пытался угодить. Вот только...

Вспомнив об этом, Анна даже слегка приподнялась на постели и удивленно тряхнула головой.

Как странно!

Старик за весь вечер не сказал самого главного!

Он не сказал, как его зовут.

Палец на левой руке вдруг будто обожгло огнем. Боль была такой сильной, что Анна потрясла в воздухе рукой, прежде чем поднести ее к глазам и прошептать изумленно и горестно: «О, господи!»

Любимый изумруд светился тусклым зеленым светом, как догорающий уголек, а его поверхность разрезала глубокая трещина вдоль и поперек – крестом.

Глава 7

Через несколько дней Анна думать забыла о странной встрече. Да и смерть Виолетты отошла на второй план. Следствие по ее делу продвигалось вперед очень медленно и, в конце концов, окончательно задвинулось в тупик. Анна сильно удивилась, услышав от всезнающей Аллочки, что даже вид тела в луже крови не убедил полицию в том, что произошло убийство. Буднично описав в рапорте об осмотре места происшествия кровь, как «жидкость бурого цвета», полицейские попытались... закрыть дело на месте. Почтенный возраст потерпевшей показался им весьма подходящим для того, чтобы «старуха» умерла сама по себе, то есть – от старости (слышала бы это вечнозеленая Виолетта!). Однако, «бурые пятна» перевесили, и полицейские вынесли другой вердикт – несчастный случай. Ну, в смысле «споткнулся, упал, очнулся»... то есть, в данном случае, не очнулся, потому как напоролся на острый предмет... Отягчающим обстоятельством оказался обнаруженный в крови покойницы алкоголь – улика в виде ополовиненной бутылки шампанского стояла на столике. Пьяный человек на ногах не стоит, это каждый знает, так что споткнуться ему – раз плюнуть. Виолетта, судя по количеству ран на теле, спотыкалась раз двадцать, и все – об острый предмет. Ну, просто как в том анекдоте!

Посредством все той же Аллочки Анна попыталась довести до сведения полиции тот факт, что Виолетта, при всех ее грехах, не имела привычки глушить шампанское в одно лицо, тем более – из горла. Усатый полицейский с тусклыми глазами выслушал ее и снисходительно попросил держаться подальше и не мешать профессионалам. Увы, заграничный мент слыхом не слыхивал о воспетых Донцовой любительницах частного сыска и прямо посоветовал не в меру ретивой дамочке идти варить борщ.

– Ваши методы тут не годятся, – попытожил он. – Для успеха дела требуются терпение, тщательность и последовательность. Спешка хороша только... только...

– При ловле блох, – услужливо подсказала Анна.

– Что?...

– Русские очень гордятся кузнецом, подковавшим блоху, – быстро пояснила Аллочка и показала Анне кулак за спиной.

* * *

– Don't drink, don't smoke, don't touch! – строго приказала крошечная гримерша.

Гримерши менялись каждую неделю, и у каждой имелся свой взгляд на красоту. В представлении этой крохи прекрасной женщину делали выразительные губы...

– Свят, свят, свят, – охнула Анна, с трудом признав свое отражение в зеркале. На бледном лице с едва обозначенными глазами пламенел ярко-алый, вампирский рот раза в два крупнее ее собственного. Короче, это был кошмар, но Анна из уважения к чужому труду битый час не пила, не курила и не трогала нарисованные губы. В результате к началу эфира многослойная штукатурка склеилась намертво, и девушке стоило труда разлепить губы, чтобы сказать хоть слово.

Далеко за полночь, повернув на свою улицу, Анна обнаружила, что неприятности не закончились. Фонари почему-то не горели, длинный узкий переулок тонул в темноте. Непогода набросила на небо плотное ватное одеяло дождевых туч, сквозь которые не просвечивали ни луна, ни звезды. Собственный подъезд пришлось искать почти на ощупь.

Доставая из сумки ключи, Аня почувствовала, как в темноте задела чье-то плечо. Кто-то испуганно охнул.

– Кто здесь?! – Анна пыталась разглядеть человека во тьме, но слышала лишь частое, напряженное дыхание.

В окне первого этажа вспыхнул свет и Анна отпрянула: прямо перед ней стояла незнакомка. Впрочем, выглядела женщина вполне безобидно и Анна перевела дыхание.

– Вы кто? – вполне миролюбиво спросила она по-английски.

Вопреки ожиданию, тетка поняла ее с трудом, долго морщила лоб, подбирая слова, затем выпалила: «Карлота!» и для верности ткнула себя в грудь пальцем. Затем еще немного пошевелила губами и медленно сообщила:

– Я вас ждала. Простите, если напугала.

– Ждали меня? Хм. Я вас знаю?

Страх ушел. Похоже, одна из фанаток «Ночного пророка» добралась до нее. Это случилось. Некоторым зрителям было мало прямого эфира. Они норовили встретиться с ведущими лично, проявляя недюжинный сыщицкий талант. Анну такие встречи не радовали, к тому же категорически запрещались контрактом, поэтому она вежливо попрощалась, не вдаваясь в подробности, но Карлота вцепилась в ее руку:

– Не уходите, пани! Меня прислала Виолетта.

Анна остолбенела:

– Кто?!!

– Я была у нее две недели назад, она посоветовала обратиться к вам...

Ах, две недели...

– Я не веду частный прием, – уже мягче сообщила девушка. – это запрещено контрактом.

– Нет, нет, я понимаю!..

– Тогда в чем дело? Вы пропустите меня или нет?!

Анна злилась не просто так. Организаторы проекта зорко следили за своими сотрудниками. Им не хотелось делиться прибылью с ведущими, так что время от времени хозяева устраивали провокации, подсылая вполне безобидных теток под видом клиентов. Попавшихся немедленно увольняли в назидание остальным. Только Виолетте удавалось долгое время морочить голову администрации, но после ее смерти те удвоили усилия.

– Пожалуйста, верните мне мою шкатулку! – неожиданно заканючила женщина.

– С чего вы взяли, что у меня ваша вещь? – второй раз за вечер Анна неприятно удивилась.

– Так пани Виолетта сказала.

– Так вот прямо и сказала?

– Ну... Она позвонила.

Анна напряглась еще больше. Видя ее недоверие, Карлота зачатила, как швейная машинка:

– Это очень важно, пани! Священник так ругал меня, за то, что я забрала эту вещь. Грозился даже предать анафеме! А уж как узнал, что я ее отдала... Велел немедленно вернуть. Я не хотела за ней возвращаться, но вы ведь знаете, что случилось с пани Виолеттой?..

Не дожидаясь ответа, Карлота продолжала тараторить:

– Мне с того дня, как я ее выкопала, каждую ночь кошмары снятся! Я вовсе спать перестала, оттого и к священнику пошла, на покаяние. Думала, он мне грехи отпустит, а он – ни в какую! И еще пригрозил, что времени совсем мало осталось: зло вот-вот в полную силу войдет! А уж тогда... Я даже думать об этом боюсь... Отдайте шкатулку, пани!

– Хорошо, хорошо, вы получите свою вещь.

Карлота протянула обе руки. Анна усмехнулась:

– Она у меня не с собой. Подождите. – Решительным жестом Анна остановила тетку, уже намылившуюся просочиться в подъезд и захлопнула дверь у нее перед носом.

Скоро она вернулась. В руках девушки был металлический ларец. Карлота при виде его нервно облизнула губы.

– Вы уверены, что справитесь с этим делом без моей помощи? – спросила Анна, протягивая шкатулку владелице. Та, не сводя глаз с вещицы, рассеянно переспросила:

– Что? – И тут же спохватилась: – Да, да, конечно!

Анна пожала плечами, пряча усмешку. Женщина, бережно прижимая к себе шкатулку, даже не заметила, как Анна ушла, предусмотрительно заперев за собой входную дверь. Она уже не могла видеть, как девушка, вместо того, чтобы воспользоваться лифтом, взлетела на один пролет и прильнула к окну.

Анна хорошо видела женщину в желтом квадрате света, падавшего из окна. Та быстро семенила вдоль по улице, стараясь держаться поближе к стенам. Когда она скрылась за углом, Девушка задумчиво постучала согнутым пальцем по переносице и прикусила губу. Тревога ее только усилилась. Она понимала, что это далеко не конец истории. Она выгадала время, да, но долго ждать продолжения не придется.

* * *

Пока мать пропадала на работе, Ник даром времени не терял. Он нашел себе друга. Хори жил в соседнем подъезде, но их балконы выходили на одну сторону и располагались рядом. Два дня назад Ник застал там парнишку в компании двух упитанных мопсов. Хори как раз насыпал семечки в кормушки для чижей и прочей птичьей мелочи и предложил новому соседу присоединиться к увлекательному занятию. Ник свободно говорил по-английски, так что мальчишки быстро нашли общий язык.

Старая часть города отличалась весьма примечательной застройкой: дома стояли вплотную друг к другу, а внутри каждого «колодца» имелся свой собственный внутренний дворик. Попасть туда можно было только одним путем – через подъездную дверь, ключ от которой имелся у каждого жильца.

После появления Хори Анну наконец перестали терзать угрызения совести за то, что Ники большую часть дня проводит в одиночестве. Теперь она могла заняться тем, ради чего, собственно, приехала в эту страну.

Некоторое время назад девушка получила письмо от миссис Клэрксон – единственной родственницы Ника. Старушка выражалась туманно и настоятельно советовала Анне посетить этот город, ссылаясь на то, что дни ее сочтены. Тогда Анна не решилась предпринимать что-либо, надеясь поговорить лично с пожилой дамой, но, увы, из этого ничего не вышло. В следующем письме ее уведомили о том, что миссис Клэрксон скончалась, а несколько дней спустя она получила приглашение поработать в кинокомпании. Анна по опыту знала, что такие совпадения не бывают случайными, и поняла, что спрятаться от проблем не удастся. Просьба старушки плавно перешла в последнюю волю умершей, а просьбы покойников полагалось выполнять.

Главной проблемой Анны было то, что Ники – не ее родной сын, хотя с первой минуты их встречи она полюбила его как родного. Малыш остался сиротой и, с помощью влиятельного друга девушка усыновила мальчика. Некоторое время спустя у него объявилась дальняя родственница. Теперь не стало и ее. Но почему миссис Клэрксон настойчиво просила ее поехать в этот город и встретиться с этой женщиной? Она намекала на какую-то тайну. Что за тайна мучила ее в последние дни?

Сам Ник после пережитого в джунглях полностью потерял память. Для него жизнь началась с появлением Анны. Что было до того, он рассказать не мог. Интересно, как он воспримет новость о том, что у него имеется бабушка? Анну смущало, что эта самая бабушка за несколько лет даже не пыталась найти внука. Видимо, не испытывала к мальчику особых родственных чувств. Но у них текла одна кровь, и она могла рассказать мальчику о его настоящих родите-

лях. Анна не могла лишиться сына этой важной информации, но вначале собиралась поговорить со старушкой сама.

Перечитав адрес, записанный на бумажке, Анна свернула к воротам. Пройдя через сад и лужайку, она поднялась по ступенькам на парадное крыльцо. В тени старого клена стояли кресло-качалка и плетеные стулья с ситцевыми подушками. С гор уже спускались сумерки. Анна зябко поежилась то ли от прохлады, то ли от волнения. На крыльце было темно. Наружу свет проникал только сквозь неплотно занавешенные окна.

На звонок долго никто не откликнулся, и Анна уже повернулась, чтобы уйти, испытывая странное чувство облегчения. Но в последний момент дверь с тихим скрипом отворилась, и в щелку выглянул испуганный черный глаз. Анна постаралась улыбнуться как можно приветливее. Наградой ей стало появление миниатюрной смуглой девушки, судя по белой кружевной наколке в курчавых волосах – горничной.

– Могу я видеть Дору Орос? – спросила Аня голосом, который часто используют в моменты, когда человек желает быть услышанным, но в то же время опасается, что о нем плохо подумают.

Девчонка помотала головой:

– Мадам не принимает.

– О, нет! Вы не поняли: я предупреждала заранее и она согласилась на встречу.

Горничная наморщила узкий лобик, недоверчиво разглядывая Анну, затем, что-то вспомнив, спросила неуверенно:

– Анна?

– Да, да. Анна Сомова, – закивала та. – Просто КПП какое-то. У вас тут что, секретная база ВВС?

Смуглянка не поняла ни слова по-русски, но кивнула в ответ. Они еще немного покивали друг другу, после чего гостью наконец-то впустили в дом.

В сопровождении горничной Анна долго шла по коридору, а затем оказалась перед высокими двойными дверями, украшенными затейливой резьбой. Горничная распахнула створки и знаком показала, что Анна может войти.

Девушка слегка удивилась, обнаружив, что попала в спальню. Здесь царил полумрак, так как на всех окнах были опущены ставни, и Анна не сразу разглядела очень старую даму в постели. Обложенная подушками, старуха потягивала холодный лимонный чай из высокого фарфорового бокала. Прикроватный столик был завален лекарствами. На краешке высилась стопка потрепанных книг, судя по оформлению – справочников. Закрывая дверь, горничная взглянула на Анну, и в этом взгляде девушке почудилось сочувствие. Очень скоро ей предстояло понять – почему.

– Здравствуйте! – преувеличенно бодро начала Анна, стараясь не обращать внимания на то, что сесть ей так и не предложили.

Торчать в центре комнаты было неудобно. Анна смущалась, как будто двоечница у доски и злилась на себя за это. К тому же в комнате стояла духота, и нестерпимо воняло лекарствами. Несмотря на жару, все окна оказались плотно задраенными. Лицо старухи скрывала тень от бархатного полога, но девушка чувствовала пристальный взгляд, – надо сказать, не сильно дружелюбный – который тщательно ощупывал ее с ног до головы. Ощущение было такое, будто ее тела касались чужие влажные пальцы.

Удивленная такой встречей, Анна никак не могла начать разговор. До прихода сюда свидание с бабушкой Ника виделось ей как-то иначе.

– Зачем вы приехали? – прошелестело из темноты так тихо, что невозможно было наверняка определить, принадлежал ли голос женщине. Этот голос был словно соткан из пыли. – Что вам надо?

Вот те раз! Анна уже не раз пространно объясняла цель своего визита. Сначала в письме, затем по телефону. Хотя... Девушка будто по-новому увидела то, что ее окружало. Дом оказался гораздо больше и значительнее, чем она предполагала, хотя и знавал лучшие времена. Лепнина на потолке выглядела грязноватой. Потертую обивку на разошедшихся креслах распирали изнутри разношенные пружины. Каминную полку из шербоного дуба покрывал толстый слой пыли. При этом выглядело все исключительно солидным и респектабельным. Чувствовалось, что в семье водились большие деньги, правда, скорее всего, давно. Деньги! Может быть, в этом причина? Старушка могла решить, что Анна рассчитывает получить при помощи Ника какую-нибудь выгоду, а это плохое начало для знакомства.

– Все, что мне нужно – это узнать побольше о моем сы... О Нике. И, конечно, я надеялась, что вы захотите с ним встретиться.

– Никогда!

Мадам Орос неожиданно резко выпрямилась и чем-то подозрительно загремела. Анна грешным делом испугалась, что старушка прилаживается запустить в нее чем-нибудь поувесистее. К счастью, она ошибалась. По крайней мере, на этот счет. У нее появилась возможность увидеть наконец-то лицо новообращенной родственницы, и здесь ее самые худшие ожидания оправдались.

Дора Орос оказалась маленькой злой старушкой с кукольными ручками. Судя по выражению ее плотно стиснутого ротика, об окружающих бабуля была не самого лестного мнения. Похоже, у нее имелись на то веские причины: все лицо старой женщины вдоль и поперек бороздили кривые нити плохо заживших рубцов. Кожа напоминала кожуру изъеденного червями засохшего яблока. На этом страшном лице жили только глаза и сейчас они горели такой ненавистью, что Анна отшатнулась.

Старуха истолковала ее страх по-своему. Казалось, она наслаждалась тем эффектом, который производило на неподготовленных людей ее уродство. Она улыбнулась, и шрамы на ее лице зашевелились, извиваясь, будто черви.

– Даже не надейтесь, что ваш гаденыш переступит порог этого дома! – прошипела мадам Орос.

– Не понимаю вашей злобы! Он же еще ребенок! К тому же, он скорее ваш, чем мой, – возразила Анна скорее из чувства противоречия, чем из желания переубедить. Она уже жалела, что пришла сюда. Ей было обидно за Ника. Милый, добрый малыш! Чем он мог заслужить такую ненависть?

Девушка недоуменно подняла глаза, но вместо перекошенного злобой лица старухи, увидела перед собой призрачный силуэт сына и встретила его пристальный, какой-то укоризненный взгляд.

– Что за... – Анна испуганно моргнула, сообразив наконец, что перед ней всего лишь огромное, старое зеркало, висящее в изголовье кровати. Зеркало, в котором отражается ее собственная фигура – весьма жалкая, надо заметить. Похоже, лучший выход – свалить отсюда по-быстрому.

– Я не понимаю вас, – сказала она напоследок, – но требовать любви к внуку не могу. Насильно мил не будешь, – так у нас говорят. И все же, вспомните о том, что Ники – живое продолжение сына, которого вы потеряли.

Истерический смех оборвал ее на полуслове. Откинувшись на подушки, мадам Орос корчилась в конвульсиях. Этот припадок продолжался так долго, что Анна уже подумывала о том, чтобы позвать горничную. Но мадам Орос уgomонилась сама.

– Как забавно, – задыхаясь, сообщила она, а затем монотонно заговорила, глядя куда-то поверх Аниного плеча: – Я мечтала о том, как состарюсь со своими детьми и внуками... Большой стол, накрытый для гостей... Все смеются... Рождество... Или, может быть, Новый год?... Дети приходят ко мне за советом, внуки хвастают своими успехами... – Она надолго

замолчала. – Боюсь, ничего из этого не сбылось. Дочь не дожила до совершеннолетия, сын сгинул где-то в джунглях вместе с женой. Внук... Как вы могли подумать, что этот ребенок мог быть сыном моего Яноша?

Старуха выглядела искренне удивленной. Анна уже в который раз за этот день растерялась.

– А разве нет? – Она уже вовсе ничего не понимала. Слова старухи будто понизили температуру в комнате с фамильными портретами. Ощутимо повеяло холодом.

– Не говорите глупостей! Он был таким странным. Не сразу, не вдруг, но я все чаще замечала...

– Ничего не понимаю! Вы хотите сказать, что Янош и Алтея... усыновили Ника?!

– Именно это я и говорю, – старуха пристально посмотрела на Анну, но почему-то казалось, что она не видит девушку. – Господи! – прошептала она испуганно.

Анна обернулась, но не увидела ничего. Дверь за ее спиной была плотно закрыта. Когда она – всего несколько секунд спустя вновь посмотрела на кровать, старая миссис Орос билась в конвульсиях. Она широко разевала рот в беззвучном крике, размахивала руками в воздухе, будто отбиваясь от кого-то. Тщедушное тело в некрасиво сбившейся ночной рубашке выгибалось дугой, словно ее крепко держали за плечи. Ничего не понимая, Анна метнулась на помощь, громко крича:

– На помощь! Помогите!

Она слышала топот ног, но слишком далеко, где-то в глубине большого дома.

Старуха металась по постели. Брыкаясь, она сбросила на пол одеяло. Скрюченные пальцы комкали и рвали простыню. Ссохшиеся, отвисшие груди мотались из стороны в сторону. В комнате резко запахло кислым старушечьим потом. Анна беспомощно тянула вперед руки, но никак не могла ухватить извивающееся тело.

На губах старухи появилась пена, глаза выпучились так, будто вот-вот вылезут из глазниц. Остекленевший взгляд смотрел в одну точку, или, скорее, следил за чем-то, видимым ей одной. Кажется, оно приближалось.

Когда в спальню вломились перепуганные слуги, кожу на лбу хозяйки вдруг прорезала длинная рваная рана. Женщина дико закричала. Кровь немедленно залила лицо. Ее было так много, что старуха мгновенно ослепла и от этого закричала еще сильнее.

Слуги оттеснили Анну в сторону и столпились вокруг кровати, но никто не решался прикоснуться к корчившемуся телу.

– Пропустите!

Несколько человек обернулись на властный голос. Странная незнакомка враз переменялась, кажется, даже стала выше ростом. Эти изменения не допускали неповиновения, и толпа почтительно расступилась.

Глаза Анны залил мерцающий свет, похожий на болотные огоньки. Она что-то громко говорила незнакомым гортанным голосом, низким и вибрирующим, как полет майского шмеля. Слова на чужом языке, которые она произносила, действовали подобно гипнозу. Видевшие это, потом утверждали, что звук шел откуда-то изнутри хрупкого тела, губы девушки совсем не шевелились.

Анна распростерла тонкие руки над умирающей, будто укрыв ее щитом, защищающим от всякого зла.

И зло отступило.

Лицо миссис Орос разгладилось, даже шрамы стали менее заметны. Тело расслабилось и вытянулось на постели. На лбу выступили капельки пота. Казалось, она просто уснула...

– Умерла, – прошелестел чей-то вздох.

Глаза старухи вдруг широко распахнулись. Они нашли Анну и старуха с усилием прошептала одними губами:

– Улица Ващи... шестнадцать...

Это были ее последние слова.

То, что случилось, отняло у Анны все силы. Она никак не могла понять, что нужно искать на незнакомой улице, только повторяла про себя адрес, боясь перепутать или забыть.

Анна пришла сюда за ответами, а получила ворох новых вопросов. Девушка столкнулась с тайной, постичь которую пока была не в силах. Почти не осознавая, что делает, она помогла слугам переодеть умершую. Снимая со старухи промокшую от крови рубашку, она поразилась, что тонкая ткань осталась совершенно целой, но тело покрывало множество рваных ран, похожих на следы острых когтей.

Таких же, как у Виолетты...

Вызов полиции оказался чистой формальностью. Десяток свидетелей подтвердил, что к миссис Орос никто не прикасался. Однако Анне пришлось задержаться, чтобы дать свидетельские показания.

Всех обитателей дома собрали в буфетной. Анна оказалась рядом со смуглянкой, открывшей ей дверь. Девчушка сильно нервничала, ерзала на неудобном стуле с высокой деревянной спинкой и пугливо косилась на полицейского у дверей. Анне она улыбнулась, как старой знакомой, но улыбка вышла кривой и неискренней.

– Какой ужас, правда? – спросила она, пытаясь сгладить впечатление.

Аня кивнула. Девушка опустила уголки губ:

– Бедная мадам...

Анна внимательно посмотрела на нее. Малышка не выглядела удивленной. Обычно люди, столкнувшиеся с неизведанным злом, долгое время пребывают в шоке, но горничная воспринимала случившееся как, безусловно, ужасное, но знакомое явление. Либо у нее железные нервы, либо...

– Мадам давно болела?

– Несколько лет. Слегла сразу после того, как ее сын и невестка сгинули в джунглях.

– Ее внук тоже пропал.

– О, ее это не волновало! Она никогда не любила мальчика и была категорически против усыновления. Но что делать – Алтея оказалась бесплодной, а другой жены Янош не хотел.

– Интересно... А что молодые? Они любили приемного ребенка?

– О, да! Особенно Алтея. Она не отпускала его от себя.

– Я слышала, мальчик был со странностями, – заставила себя Анна задать мучивший ее вопрос.

– Не знаю, не знаю... На мой взгляд – обыкновенный пацан. Шебутной, конечно, как все дети, но очень милый и ласковый, как котенок.

Анна автоматически кивнула – именно таким был ее Ники. Ей все время казалось, что ему не хватает любви, несмотря на все ее старания, а сам он готов любить весь мир.

– А кто вам наговорил на малыша? – неожиданно спросила горничная.

– Миссис Орос.

– Я так и подумала. Ой, не слушайте вы ее. Характер у хозяйки, прости господи, был далеко не сахарный. Язык – как наждак. Бывало, сказанет в сердцах – и чувствуешь, как с тебя слезает кожа. Она частенько раздражалась без повода. Любая мелочь могла вывести ее из себя. Особенно – незапертые окна. Это, я вам скажу, был ее пунктик.

– С ней было трудно?

– Скорее утомительно. Приходилось запасаться терпением, чтобы оставаться тактичной и постоянно уступать. Совсем тяжело стало после одного случая...

Анна изобразила живейший интерес и слегка перестаралась. Горничная вдруг поняла, что сболтнула лишнее. Она прикусила губу, но потом лишь тряхнула копной волос, видимо, решила, что мертвая хозяйка ее уже не накажет.

– Вы видели эти шрамы? – спросила девушка, понизив голос до едва различимого шепота.

– Их трудно не заметить. Откуда они?

Горничная развела руками и огорошила:

– А никто точно не знает. Как-то ночью нас разбудил жуткий крик. Вот как сегодня. Миссис Орос мы нашли на полу спальни, всю в крови. У нее было изрезано все лицо, как будто ее ткнули разбитой бутылкой, кожа на щеках – в ленточку. Полиция, как ни старалась, не нашла никаких следов. Сошлись на том, что мадам нечаянно разбила что-то стеклянное и порезалась. А как она могла разбить, если осколков нигде не было? К слову, сама хозяйка, как воды в рот набрала. Твердила, что ничего не помнит. Короче, списали все на несчастный случай и успокоились.

– Но вы так не считаете?

– Нет, мисс, не считаю.

– Почему?

– Потому что однажды мадам проговорила: она видела убийцу.

– И кто это был?

– Ребенок.

Выйдя из дома, Анна чуть ли не бегом бросилась к воротам, туда, где мелькали фары машин и слышался чей-то смех. Луна поднималась над бассейном, монотонно стрекотали цикады, воздух наполнился запахом влажной травы и этот сад выглядел заколдованным...

Глава 8

Почти сутки Анна запрещала себе вспоминать о том, что произошло в доме мадам Орос. У нее не хватало смелости даже зайти в Интернет и выяснить, что за адрес сообщила ей умирающая. Она говорила себе, что все это лишь предсмертный бред, не имеющий к ней никакого отношения. Беда заключалась в том, что когда загоняешь пугающие мысли в подсознание, они потом, в самый неподходящий момент, выскакивают оттуда свеженькие, будто из холодильника.

Анна едва успела к началу эфира. Техник, деликатно задрав ей подол юбки, закрепил на ней микрофон. Наушник в ухо она зачихнула самостоятельно. Ее сегодняшняя напарница – Саяна – уже восседала за своим столом, обложившись потрепанными колодами ТАРО. Гривастая, глазастая, дородная и смуглая, она выглядела внушительно, хотя на самом деле девчонка едва справилась шестнадцатилетие. Цыганки вообще рано взрослеют.

Заметив Анну, Саяна вдруг уставилась на нее черными глазищами, похожими на спелые вишни. Взгляд был настолько горяч, что Анна почувствовала жжение в переносице.

– Слушай, смотри куда-нибудь в другую сторону, – попросила Анна.

– Куда хочу, туда и смотрю, – моментально завелась девчонка.

– Логично, – миролюбиво кивнула Анна, – но только не сейчас. Пять минут до эфира, дай отдышаться.

Саяна усмехнулась:

– Не хочешь спросить, что меня заинтересовало?

– А это важно?

– Тебе решать. За тобой по пятам следует тьма. Знаешь?

«Догадываюсь», – подумала Анна, но промолчала, вежливо улыбнувшись Саяне.

– Чего молчишь? Не веришь?

– Почему? Верю. Постараюсь впредь носить с собой фонарик.

– Зачем?

– Тьму разгонять.

– Не поможет, – тряхнула пышными кудрями Саяна. – Это древнее зло. И оно сильнее тебя. Ты не справишься.

– Я постараюсь, – повторила Анна.

Настроение было испорчено. Саяна не прикалывалась, хотя цыгане всегда недолюбливали русских ведущих. Между ними всегда существовала негласная конкуренция и Анна об этом знала. Девчонка происходила из настоящих таборных цыган, большую часть жизни провела, кочуя в кибитке. Ей не хватало опыта, но дело свое она знала – гены, однако. Сейчас она выглядела испуганной. Такой Анна видела ее впервые. В огромных черных глазах сквозил настоящий, непритворный страх, будто Саяна и вправду видела позади Анны что-то ужасное.

Громкий звонок мобильного телефона заставил вздрогнуть обеих девушек. Вот черт! Анна забыла выложить его до захода в студию! Девушка нагнулась к сумке, параллельно отбиваясь от разгневанного редактора, который разгневанно визжал в ухо, и мельком взглянула на светящийся экран. Номер незнакомый. Она бросила взгляд на часы. Осталось две минуты.

Неожиданно для себя, Анна нажала зеленую кнопку.

– Аллю?

– Как вы догадались, что хозяйка шкатулки подставная? – спросил в трубке смутно знакомый голос.

– Анна, ты что творишь? Ты в своем уме? – заверещал микрофон.

Девушка раздраженно вытащила наушник, зажала его в кулаке и ответила:

– Это было легко. Карлота – или как там ее зовут на самом деле? – утверждала, что пришла по поручению Виолетты, но я забрала шкатулку уже после ее смерти.

– Вот дура.

– Увы. Было еще кое-что.

– Догадываюсь. Вы подменили шкатулку. Зачем?

– Чтобы убедиться. Я всего лишь проявила осторожность. Карлота с готовностью приняла жестянку, в которой я храню свои карты за артефакт, и выдала себя.

– Значит, ларец все еще у вас?

Тридцать секунд. Редактор точно оторвет ей голову. Но почему-то она не решалась прервать разговор.

– Продайте мне шкатулку, – предложил голос, так и не дождавшись ее ответа. – Я заплачу любую цену.

– Я подумаю.

– Думайте быстрее, – предупредил голос, – пока у меня не кончилось терпение.

Анна с отвращением швырнула телефон в сумку, вставила подозрительно молчащий наушник на место и...

Десять... девять... восемь... семь... шесть... пять... четыре...

* * *

Ник с тоской обозрел спальню. «Чем я буду заниматься вечером? Без компьютера! Даже без телевизора!»

Справедливости ради надо заметить, что телевизор имелся в наличии, но смотреть его было бесполезно. Чужой язык, похожий на птичий щебет, любой, даже самый крутой боевик, превращал в нечто неудобоваримое.

Ник тяжело вздохнул. Он уже трижды сходил на кухню, выпил пять чашек чая и слопал весь сыр в холодильнике, а часы показывали только десять вечера. Детское время, да и спать совсем не хотелось.

В гостиной от старых жильцов остался книжный шкаф. Ник прошелся вдоль рядов старых книг и прочел те названия, что были написаны по-английски. Скучота! Биология, Химия, что-то историческое. Неудивительно, что хозяева бросили здесь библиотеку.

Мальчик зевнул, настроение еще больше испортилось. Совершенно некстати вспомнился сегодняшний случай во дворе. При свете дня это казалось ерундой, но сейчас, в быстро густеющих сумерках все выглядело иначе.

Часов до шести, пока погода не испортилась, они с Хори пинали мяч. Хори промахнулся и мяч улетел в кусты. Когда Ник попытался выудить его из тисовой ограды, он заметил странного человека.

Мужик как мужик, разве что давно не бритый – щетина топорщилась до самых глаз. Он прятался от солнца в тени дома, как раз позади кустов, то ли скучал, то ли дышал свежим воздухом. Незнакомец прятал руки в карманах просторного черного плаща и опирался плечом о стену. Из-под широких полей шляпы блестели только глаза. Ник безразлично скользнул по нему взглядом, схватил мяч и полез обратно. Мало ли на свете фриков?

Но скоро он снова заметил человека в плаще, на этот раз тот подпирал плечом дерево. Солнце уже палило вовсю, и Ник подумал, что дядька, наверное, совсем запарился.

– Видал дурака? – спросил он у Хори, когда они присели на траве передохнуть.

Приятель завертел головой и удивленно уставился на друга.

– Да не крутись ты, – шикнул Ник. – Заметит. Туда смотри, под каштаном!

Хори повернул голову в нужную сторону и снова удивленно обернулся:

– И чего?

– Мужик, говорю, странный.

– Где?

– Да под деревом же! Ты что ослеп?

– Ничего я не ослеп. Там пусто.

– Разуй глаза! Вон он стоит! Плащ до земли и шляпа дурацкая.

Хори только отмахнулся. Нику стало не по себе. Для верности он протер глаза, но мужик никуда не исчез, стоял все там же и, кажется, смотрел прямо на Ника. Почему Хори его не заметил? Может, он близорук?

Ник решил проверить. Точным ударом он послал мяч прямоком под то самое дерево. Хори ругнулся, но бросился за мячом. Парнишка добежал до каштана, нагнулся, едва не боднув незнакомца в живот, и бросил мяч обратно на поле.

Ник растерялся, но потом увлекся игрой и забыл о незнакомце. Сейчас, вспомнив о нем, он почувствовал себя неуютно. Быстрее бы пришла мать! Он расскажет ей обо всем, и она обязательно все объяснит. Она всегда объясняет любые, даже самые странные вещи.

Чтобы скоротать время, Ник решил лечь спать пораньше. Он чувствовал непривычную усталость и постоянно тер глаза руками. Еле волоча ноги и натываясь на углы, он побрел в спальню и рухнул на кровать. Но свет выключать почему-то не стал. За окном бушевала непогода. Ветер сотрясал оконные рамы и шевелил занавески. Отражения лампы дрожали на темных стеклах, как будто в комнату пытались заглянуть бледные призраки.

Ник закрыл глаза, но сон вдруг пропал. В комнате было душно.

Поворочавшись минут пять, Ник слез с кровати, шлепая по полу босыми ногами, подошел к окну, немного постоял в нерешительности и с некоторой опаской протянул руку.

Дышать сразу стало легче. Ник пристроился на подоконник, разглядывая освещенный двор сквозь качающиеся ветви. Тут же, на подоконнике, валялся рекламный буклет за прошлый год. От нечего делать Ник взял его в руки, вяло пролистнул несколько страниц и застыл. Ух, ты! Вот это замок! Страх был забыт, мальчик жадно читал скупые, шаблонные комментарии под красочным снимком. Он обязательно должен побывать здесь! Нужно только намекнуть матери. Она сама обожала старинные замки, и наверняка придет в восторг от идеи отправиться в это место.

Порыв ветра едва не вырвал тонкую брошюру из рук мальчика. Ему даже показалось, что ее пытаются отнять. Он крепче сжал пальцы и на всякий случай подsunул ее под футболку.

Из сада долетал запах сирени. Мимо щеки порхнул ночной мотылек, Ник нетерпеливо махнул по лицу тыльной стороной ладони и вдруг отчетливо осознал, что в комнате позади него кто-то есть... Мальчик понимал это совершенно отчетливо, но боялся обернуться. У него в голове возник странный шум, от которого он почти оглох. Голову будто обмотали толстым слоем вонючей ваты. Ему вдруг стало так холодно, что он затрясся и, чтобы не упасть, схватился за подоконник.

Прямо перед ним было темное стекло, в котором отражалась знакомая комната. Ник широко раскрыл глаза, заметив за спиной угрожающе нависшую черную тень. Она росла. Вверх, по стене, все выше и выше, пока не уперлась в потолок, занимая уже всю стену.

Тень приближалась.

Слегка покачиваясь, она отлепилась от стены и медленно, как в замедленном кино, двинулась в его сторону. Кровать, тумбочка, стенной шкаф будто проваливались в нее, пока за спиной не осталось только черное клубящееся дымное марево.

Ник широко открыл рот, собираясь закричать, но голоса не было. Наверное, его тоже проглотила черная тень. Теперь он даже не мог позвать на помощь.

У мальчика возникло странное ощущение, будто внутри него разрастается светящийся шар, который приподнимает его, пытаясь оторвать от пола. Это ощущение пугало даже больше,

чем черная тень, что кружила по комнате, не исчезая, но и не нападая. Как будто ждала чего-то. Чего она хочет? Увидеть его глаза?

Пытаясь избавиться от странной, наполняющей его энергии, Ник потерял последние силы. Шар внутри лопнул. Он вдруг перестал дрожать. В глазах потемнело. Вместе с дрожью из него будто вытекли все кости, ноги обмякли. Ник начал потихоньку сползать на пол, судорожно цепляясь за подоконник.

Уже почти в забытии он услышал откуда-то сверху низкий угрожающий вой и успел заметить, как в большую тень с размаху врезалась маленькая.

Потом чернота заволочла все вокруг.

Ник упал, громко стукнувшись головой о деревянные половицы, но боли не почувствовал: он потерял сознание.

* * *

– Снова паук?

Анна изо всех сил старалась не показать свой страх сыну. Выглядел он ужасно в болтающейся на тощем тельце пижаме, видом и выражением лица напоминающий унылого, растрепанного призрака.

– Ник, не молчи! – взмолилась Анна. – Что тебя напугало? Говори!

Забывшись, она довольно сильно встряхнула мальчишку. Его голова мотнулась на тонкой шейке и Анна вдруг испугалась, что она оторвется.

– О, господи! Прости, прости! – Анна крепко прижала его к себе. Под ее руками он весь как-то отмяк, засопел, зашмыгал носом. Отлегло! – поняла Анна и потащила его на кухню.

Чай с молоком и медом окончательно отогрели малыша. Запинаясь и всхлипывая, он рассказал матери про черную тень, и про черного человека во дворе, и про Хори. Рассказывая, он все поглядывал на нее исподлобья и спрашивал: «Веришь?». Анна кивала, занятая тем, чтобы как-то обуздать разраставшийся внутри ужас.

– Ты уверен, что это тебе не приснилось? – с надеждой спросила она.

Ник с обидой взглянул на мать:

– Во дворе я не спал, – напомнил он. – Что я, зомби, что ли?

– Но Хори...

– Хори слепой, как крот. Я специально спросил и он признался.

– Хорошо, хорошо. Но, может, все-таки это была просто тень от деревьев?

– Тень в шляпе и плаще?

– Ну, сам посуди, какой плащ? На улице хорошо за тридцать. В трусах – и то жарко! Напяливать плащ... Это же извращение какое-то!

– А что? Может, это и был какой-нибудь маньяк!

– Ох, не говори глупостей! – Анна действительно с трудом верила в маньяков. Тем более здесь, в этой тихой, приличной, прямо-таки сказочной стране. Но Нику она верила. Ей пришлось поверить...

Ник подергал ее за рукав:

– Мам, Каспер его тоже видел! Это он прогнал его из комнаты.

– Каспер, говоришь? – Анна с сомнением посмотрела на подоконник, где распластался огромный черный кот, убедительно притворившийся спящим. – Жаль, он не может рассказать подробности.

Неожиданно Анну посетила светлая мысль. Она встрепенулась и заглянула в глаза Нику:

– Слушай, а ты хорошо рассмотрел человека на улице? Я имею в виду его лицо?

– Не очень.

– Он не показался тебе знакомым? Нет, не так! Может, ты его уже видел раньше?

– Да нет... Хотя, знаешь, мне показалось, что я его знаю. Только никак не могу вспомнить – откуда? Наверное, мы все же встречались...

– Недавно?

– Давно. Очень давно...

Ник выглядел обескураженным. Анна потрепала его по волосам и налила еще чаю. Отвернувшись, чтобы поставить чайник, она сжала руку в кулак с такой силой, что длинные ногти поранили ладонь. Анна спохватилась, быстро и незаметно вытерла кровь салфеткой.

– Помнишь, мы с тобой ходили в ресторан? – спросила она, фальшиво улыбаясь.

– А то!

– Там был старик...

– Он тебе ужас, как не понравился! – Ник прыснул в кулак. – Ты хотела превратить его в лягушку!

– Ничего я не хотела! Так вот. Подумай хорошенько: там, во дворе, это случайно был не он? Или, может быть, его помощник?

– Нет! Точно не они! Хотя охранник бы подошел. Они примерно одного возраста.

– Но не он? Как, бишь, его звали?

– Ласло! Классное имя. Нет, мам, это был не он. Этот больше похож на гориллу, в смысле, на Кинг-Конга. А тот, под деревом, худой был. Тощий даже. И лицо бледнющее. Ласло загорелый, почти как негр, а этот аж в синеву... И еще... – Ник прочистил горло. – У того, во дворе, лицо было странное, будто размытое. Вроде – есть, а вроде как и нету.

– Замечательно! – всплеснула руками Анна. – Мы сейчас черт знает до чего договоримся! Знаешь, что? Пойдем-ка лучше спать, утро вечера мудренее.

Анна не стала протестовать, когда Ники забрался в ее постель и деловито принялся устраниваться у стенки. Она отодвинулась на самый край, давая ему больше места. Положив голову на согнутую руку, она с любовью смотрела на сына. Словно котенок, он немного повозился, сооружая себе гнездо, потом свернулся калачиком и мгновенно уснул.

Анна закрыла глаза тоже, но сон не шел. Часы громко тикали на стене. Половина третьего. Призрачный час, когда даже воздух имеет странный привкус, когда город охватывает не столько сонная, сколько мертвая тишина.

Мертвая... Какое все же ужасное слово.

Саяна была права. Вокруг нее и сына сгущались тьма. Анна давно не боялась обычных людей, но тот, кто угрожал им, не был человеком. За короткий срок Анна видела две смерти. Две смерти – один убийца. Вот что подсказывало ей ее чутье. Она пыталась закрывать глаза, каждый раз, когда настырная мысль всплывала у нее в мозгу, она прихлопывала ее крышкой, как чертика в табакерке. Чертик протестующее попискивал, но девушка заставляла его заткнуться. Теперь он уже не слушался ее.

Мадам Орос подверглась нападению дважды. После первого раза она была убеждена, что это дело рук ребенка. Полный бред. Анна чувствовала присутствие совсем иной силы, древней, как само зло. И такой сильной, что Анна не смогла предотвратить катастрофу. Ее усилий – а она тоже не на помойке себя нашла – хватило лишь на то, чтобы заставить невидимое зло выпустить из когтей свою жертву, но прогнать его совсем она так и не сумела.

Почему зло выжидало так долго? Почему напало именно в ее присутствии? Совпадение? Или предупреждение? Или попытка заставить старуху замолчать? Она и так-то не была особенно разговорчивой, но собиралась что-то сказать. Что она знала такого, о чем не должна была узнать Анна?

Девушке показалось, что во тьме вдруг сверкнули желтые глаза старика. Она сморгнула, прогоняя наваждение. Ник был уверен, что напал на него кто-то другой. Может, и так, но коварный дьявол наверняка приложил к этому руку.

Кто же он? И чего он добивается? Ему нужна шкатулка? Может быть, но все не так просто. Было что-то еще. В конце концов, заполучить мерзкую вещицу можно было и не проливая реки крови. А уж Ники и вовсе ни при чем.

«Я должна думать логически», – подумала Анна и тут же разозлилась на себя: именно так говорят те, кто понятия не имеет, что происходит.

Она перевернулась на другой бок и... Что это? Ей вдруг показалось, что дверцы стеклянного шкафа, где смутно отражались освещенные молочным светом окна, медленно начали отворяться, точно кто-то мягко толкнул их изнутри. В зеркале промелькнула смутная тень. Что-то слишком часто в последнее время ее стали пугать зеркала.

Нет, на этот раз показалось. Дверца замерла на полпути и больше не двигалась. Тень – это всего лишь отражение колышущихся штор. Однако паника, охватившая ее в черной обманчивой пустоте, не ослабевала. Все чувства девушки обострились, она кожей ощущала присутствие опасности, но не могла даже предположить, с какой стороны придет беда. Это неведение делало ее беззащитной.

Прежде, чем заснуть, Анна, презирая себя за слабость, встала с постели и набросила на зеркальную дверцу шкафа большое банное полотенце.

Глава 9

– А не позавтракать ли нам в ресторане?

– ЙЕС!!!

Ник пришел в восторг. В рекордно короткие сроки он оделся, умылся, почистил зубы и даже аккуратно сложил пижаму на краешке постели.

Не сговариваясь, они не вспоминали о вчерашних событиях, но оба помнили об этом, и оттого их непринужденная болтовня выглядела слегка неискренней, как будто плохо отрепетированная мизансцена.

Тем не менее, завтрак был превосходен. Анна заказала свинину с грибами под сыром для Ника, а себе – мясо в медовой корочке. Она не переставала удивляться умению местных жителей смешивать в блюдах сладкое и соленое, но выходило очень вкусно. В конце трапезы вместе со счетом им принесли роскошный десерт из свежих ягод со взбитыми сливками и хрустящими вафлями.

– Подарок от шеф-повара, – пояснила румяная официантка в ответ на недоуменный взгляд Анны.

– Тут всегда так любезны?

– Стараемся! Но к друзьям мистера Неро – всегда особое отношение.

– Мистер Неро? А кто это? – Еще больше удивилась девушка. Она немного опасалась, что вот сейчас недоразумение разъяснится, и волшебный десерт унесут обратно на кухню.

Но официантка лишь ласково улыбнулась, как добрая мама рассеянному чаду:

– Раньо Неро, – деликатно напомнила она. – Вы ужинали с ним недавно...

Желтоглазый! Так вот как его зовут! Какое странное имя! Кажется, это тосканский язык. Анне приходилось бывать в разных местах и она могла сносно объясняться на десяти-пятнадцати языках, хотя в совершенстве знала только английский. Она наморщила лоб, припоминая, потом нахмурилась. Выходило, что в переводе имя желтоглазого незнакомца звучит приблизительно как «Черный паук»! Разве бывают такие имена? Больше похоже на кличку.

– Мистер Неро ваш постоянный клиент? – осторожно спросила Анна у официантки, которая ловко складывала использованные тарелки в высокую стопку.

– О, да! И он очень щедрый на чаевые! – Женщина выглянула из-за своей тарелочной башни и, кажется, подмигнула. Анна сглотнула, а та продолжала каким-то новым, заговорщицким тоном: – Мистер Неро – очень большой человек в нашем городе! Для нас большая честь, что он предпочитает ужинать в нашем заведении. Это привлекает других клиентов. Конечно, он бывает здесь не каждый день, только когда приезжает по делам в город, но... – Она прижала подбородком пошатнувшуюся башню и добавила со значением: – Его уважают!

– Я бы скорее предположила, что этого господина побаиваются, – слабо улыбнулась Анна, еще до конца не решив, как поступить с десертом: отказаться или наплевать на все и съесть.

Официантка, заметив ее нерешительность, подбодрила:

– Ешьте, ешьте! Это очень вкусно! Мистер Неро совсем не страшный. А все остальное – слухи, из-за того, что он живет в Замке Синей Бороды.

– Ух, ты! – вытаращил глаза Ник. – В том самом замке, из сказки?

– Ты читал Шарля Перро? – улыбнулась официантка.

– Кто ж его не читал? – Ник даже обиделся. – Только это давно было, когда я был маленький.

– Понятное дело, – кивнула официантка и снова подмигнула.

«Нервный тик у нее, что ли?» – раздраженно подумала Анна. Ей вовсе не хотелось, чтобы ее и сына зачисляли в друзья человека по имени Черный паук. Менее щепетильный Ник потихоньку объедал роскошный десерт со своей стороны, таская в рот кусочки вафель и клубнику.

– Шарль Перро писал своего героя с натуры, – с удовольствием продолжала официантка. – Синюю Бороду звали Жиль де Рец. И у него был не один замок, а несколько.

– То есть Синяя Борода жил на самом деле? – От удивления Ник позабыл про десерт и вопросительно уставился на мать.

– Жил, – вынуждена была признать Анна.

– И он взаправду убивал своих жен?!

– Ну... – женщины переглянулись. Официантка, спохватившись, заверила:

– Да выдумки это все! Напридумывали страсти-мордасти! Из-за этих баек никто не хотел жить в замках барона. Вот только мистер Неро не побоялся.

Ник уважительно кивнул и снова принялся за клубнику.

– Должно быть, мистер Неро очень богат, раз смог купить целый замок, – заметила Анна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.